

БЕН КЕЙН КРЕСТОНОСЕЦ

Бен Кейн безупречно смешивает экшен, сюжетность, правдоподобность характеров, исторические и военные детали.

Historical Novel Society

The Big Book. Исторический роман

Бен Кейн
Крестоносец

«Азбука-Аттикус»

2021

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Кейн Б.

Крестоносец / Б. Кейн — «Азбука-Аттикус», 2021 — (The Big Book. Исторический роман)

ISBN 978-5-389-21417-0

Пока английские Плантагенеты и французские Капеты делили между собой Запад, египетский султан Саладин с огромной армией двинулся на завоевание Палестины. Пал священный город Иерусалим, и созданные крестоносцами государства оказались на грани уничтожения. Едва утвердившись на престоле, Ричард поспешил исполнить давний обет и присоединился к провозглашенному папой римским Третьему крестовому походу. В священном для всех христиан деле он объединил силы со своим заклятым врагом Филиппом Французским. Но путь в Святую землю долог и полон опасностей, и на этом пути королю-рыцарю вновь и вновь придется доказывать, что Львиным Сердцем он зовется по праву... Так начинается история одного из самых прославленных королей Средневековья – Ричарда Львиное Сердце. Впервые на русском!

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-21417-0

© Кейн Б., 2021
© Азбука-Аттикус, 2021

Содержание

Список персонажей	8
Пролог	11
Часть I. Сентябрь 1189 года – июль 1190 года	15
Глава 1	15
Глава 2	24
Глава 3	32
Часть II. Сентябрь 1190 года – июнь 1191 года	42
Глава 4	42
Глава 5	48
Глава 6	54
Глава 7	64
Глава 8	73
Конец ознакомительного фрагмента.	75

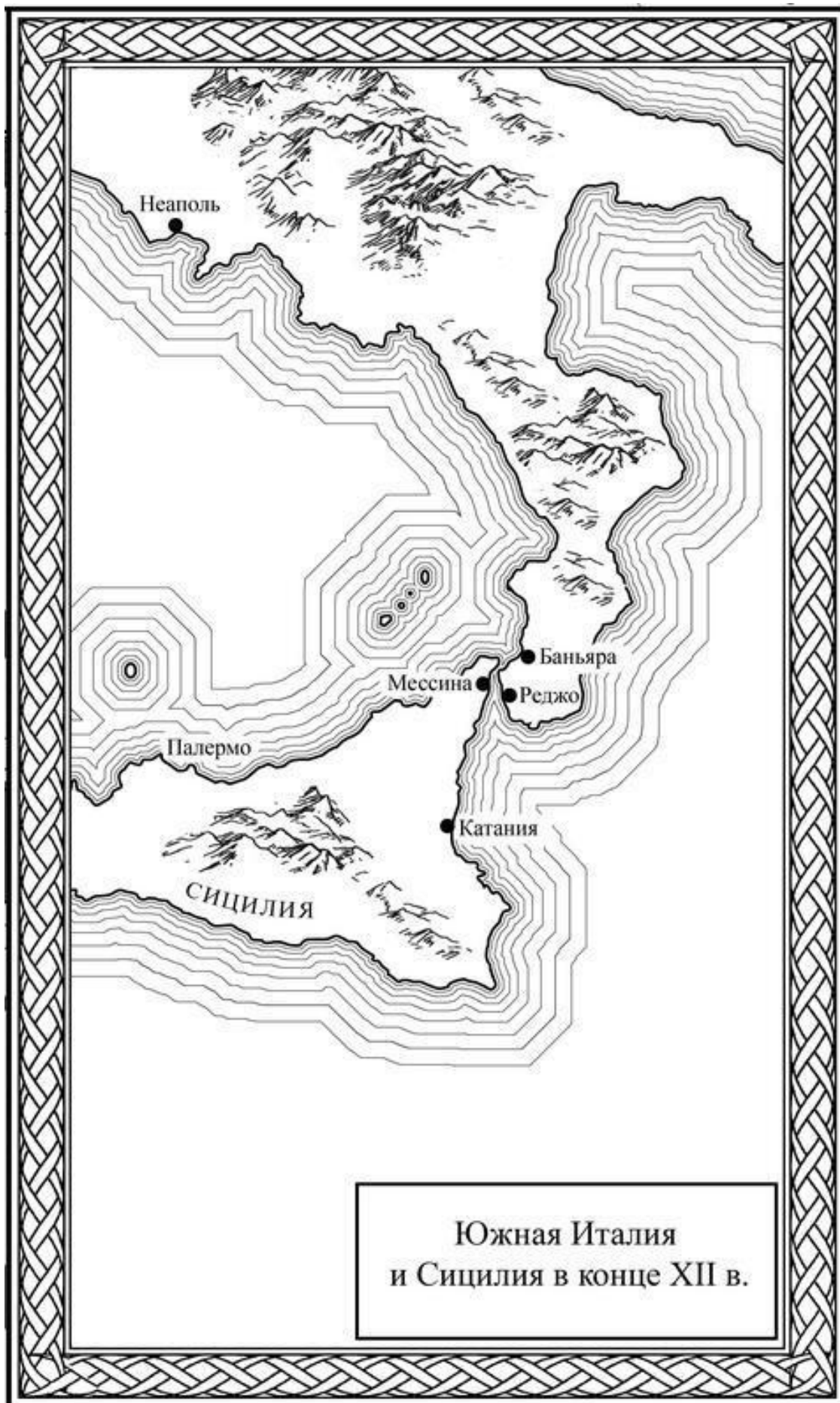
Бен Кейн

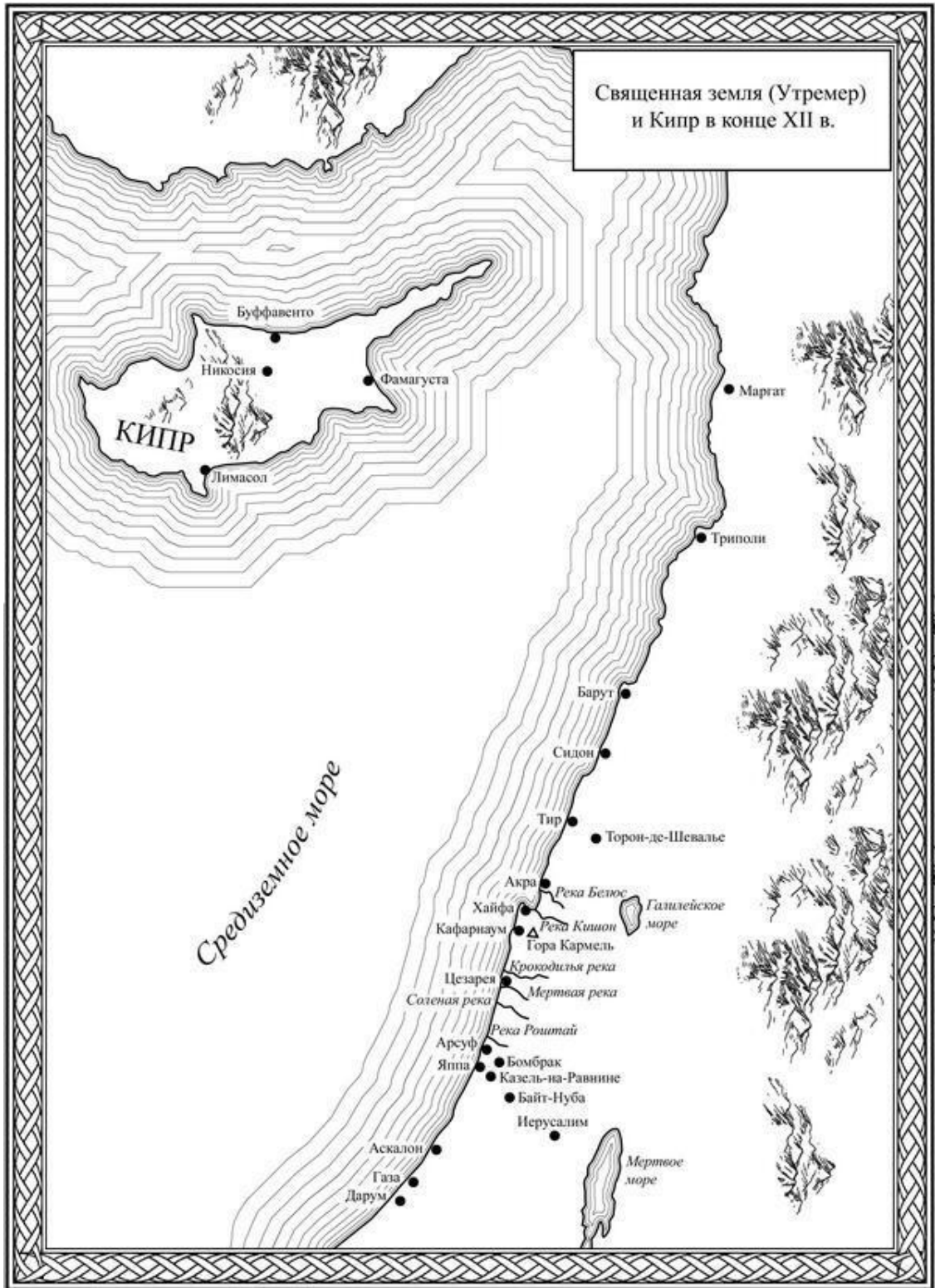
Крестоносец

*Посвящается Ферди и Пиппе.
Вы для меня – всё*

Ben Kane
CRUSADER
Copyright © Ben Kane, 2021
First published in 2021 by Orion, London
All rights reserved

© А. Л. Яковлев, перевод, 2022
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022 Издательство АЗБУКА®

Список персонажей

(Помеченные звездочкой (*) являются историческими личностями.)

Фердия О Кахойн / Руфус О'Кейн, дворянин из Северного Лейнстера в Ирландии.
Рис, мальчик-сирота из Уэльса.
Роберт Фиц-Алдельм, рыцарь, брат Гая Фиц-Алдельма (покойного).
Ричард де Клер, граф Пемброкский (покойный)*.
Ифа, его вдова*.
Изабелла, их дочь*.
Гилберт, их сын и наследник*.

Английский королевский дом

Генрих Фиц-Эмпресс*, король английский, герцог Нормандский, граф Анжуйский (покойный).
Алиенора (Элинора) Аквитанская*, вдова Генриха.
Генрих (Хэл)*, старший сын Генриха (покойный).
Ричард, король Английский, герцог Аквитанский*, второй сын Генриха.
Джефффри*, третий сын Генриха, герцог Бретонский (покойный).
Артур*, сын Джефффри.
Джон*, граф Мортенский, младший сын Генриха, известен под прозвищем Безземельный.
Джоанна*, королева Сицилийская, дочь Генриха.

Английский королевский двор

Беатриса, служанка королевы Алиеноры.
Андре де Шовиньи*, рыцарь и кузен герцога Ричарда.
Балдуин де Бетюн*, рыцарь.
Уильям Лоншан*, епископ Илийский, канцлер Ричарда.
Гуго де Пюизе*, епископ Даремский.
Жоффруа*, незаконнорожденный сын Генриха, архиепископ Йоркский.
Уильям Маршал*, один из юстициаров Ричарда.
Бардольф*, Фиц-Питер* и Брюйер* – также юстициары Ричарда.
Филип, оруженосец, друг Руфуса.

Клирики

Архиепископ Вальтер Руанский*, Жерар, архиепископ Окса*, епископ Губерт Солсберийский*, епископ Жан из Эвре*, епископ Николас из Ле-Мана*.
Жан д'Алансон*, архидиакон из Лизье и бывший вице-канцлер английский.
Гуго де ла Мар*, писец.
Амбруз*, клирик, автор дошедшей до наших дней *Estoire de la Guerre Sainte*, «Истории Священной войны».
Приор Роберт Херефордский*.
Ральф Безас*, священник-лекарь.

Знать

Роберт, граф Лестерский*, граф де Поль*, граф Робер де Дре*.

Рыцари: Роберт Тернхемский*, Жоффрау де Буа*, Пьер и Гийом де Прео*, Джон Фиц-Лукас*, Бартоломью де Мортимер*, Ральф де Молеон*, Генри Тьютон*, Анри де Саси*, Гийом де л'Этан*, Жерар де Фурниваль*, Жак д'Авен*, Мэтью де Солей*, Пьер Тирпруа*, де Ровей*, Ричард Торн. Гийом де Кайе*, фламандский рыцарь.

Ришар де Дрюн, Гуго де Невиль*, жандармы.

Прочие персонажи

Вильгельм*, король Шотландии.

Филипп II*, король Франции.

Алиса Капет*, сестра Филиппа, с детства обручена с Ричардом.

Генрих Блуаский*, граф Шампанский, приходится двоюродным братом как Ричарду, так и Филиппу Капету.

Филипп, граф Фландрский*.

Вильгельм де Барр*, прославленный французский рыцарь.

Раймунд, граф Тулузский*.

Гуго, герцог Бургундский*, кузен французского короля.

Жоффрау, граф Першский*.

Петр, граф Неверский*.

Епископ Бове*, кузен французского короля.

Дрого де Мерло*, знатный сеньор.

Обри Клеман*, рыцарь.

Сицилия

Вильгельм де Отвиль*, король Сицилии (покойный).

Констанция де Отвиль*, тетья и наследница Вильгельма, замужем за Генрихом Гогенштауфеном*, королем Германии и наследником императора Священной Римской империи Фридриха Барбароссы*.

Танкред из Лечче*, незаконнорожденный кузен Вильгельма.

Рейнальд де Муэк*, местный аристократ.

Гуго де Лузиньян, племянник Ги, Жоффрау и Амори.

Дель Пин*, губернатор Мессины.

Маргаритон*, адмирал флота Танкреда.

Беренгария*, дочь короля Санчо VI* Наваррского, невеста Ричарда.

Утремер¹

Ги де Лузиньян*, король Иерусалимский.

Сибилла, королева Иерусалимская*, жена Ги (покойная).

Изабелла Иерусалимская*, сводная сестра Сибиллы.

¹ *Утремер* (от фр. outre-mér – «земля за морем», Заморье) – так назывались в Средние века владения крестоносцев в Святой земле.

Онфруа де Торон*, ее муж.

Конрад Монферратский*, итальянец по рождению, правитель Тира, кузен французского короля Филиппа.

Жоффруа* и Амори* де Лузиньяны, братья Ги.

Робер де Сабль*, великий магистр ордена тамплиеров.

Гарнье Наблусский*, великий магистр ордена госпитальеров.

Балиан д'Ибелин*, правитель Наблуса.

Рейнальд Сидонский*.

Леопольд, герцог Австрийский*.

Иосций, архиепископ Тирский*.

Саладин*, он же аль-Малик аль-Насир Салах ад-Дин, Абу аль-Музафар Юсуф ибн Айюб, султан Египта.

Сафадин*, аль-Малик аль-Адил, Сайф аль-Дин Абу Бакр Ахмад ибн Айюб, брат Саладина.

Месток* (Саиф аль-Дин Али ибн Ахмад аль-Маштуб), мусульманский военачальник в Акре.

Каракуш* (Баха аль-Дин аль-Асади Куара-Куш), мусульманский военачальник в Акре.

Рейнальд де Шатильон*, знатный сеньор (покойный).

Абу, юноша-мусульманин из Акры.

Уильям Боррель* и Балдуин Кэрю*, госпитальеры.

Ибн ан-Нахлаль*, письмоводитель Саладина.

Рашид ад-Дин Синан, Старец с Горы.

Пролог

Саутгемптон, ноябрь 1189 года

Глубокий сумрак окутывал единственную комнату лачуги, в которой мы с Рисом, напряженные до предела, ждали в засаде. Мы безмолвно застыли у петель хлипкой двери: так наша будущая жертва, войдя, заметит нас, когда будет уже слишком поздно. Крепко сжимая кинжал, я припал одним глазом к дырке в стене из обмазанных глиной жердей, вглядываясь в улочку, стараясь дышать тихо и размеренно. И пытался убедить себя, что поступаю правильно.

Миновало уже немало времени с тех пор, как ночь опустилась на трущобы, беднейшую часть города, и прохожих на улице было мало. Вскоре после нашего прихода на дворе у мясника забили свинью, и ее отчаянный визг заставил меня стиснуть зубы. Прошли две говорливые женщины-соседки – вот и все. На душе лежала тяжесть. Я не был уверен, что тот, кто мне нужен, жандарм² по имени Генри с лопатообразной бородой, вернется домой раньше жены. Не хотелось вовлекать ни в чем не повинную женщину в мое темное дело. Я постарался встряхнуться. Если она вернется, мы заткнем ей рот кляпом, завяжем глаза и продолжим дожидаться мужа. Я старался не думать о ребенке, про которого мне говорили.

Я сменил положение и пошевелил плечами, чтобы не дать мышцам онеметь. Потом обвел взглядом комнату. Тусклый оранжевый свет огня, тлевшего в главном очаге, выхватывал из темноты два стула, стол на козлах, деревянный сундук для одежды и застеленную покрывалом соломенную лежанку в углу. Привязанный к задней стене хижины пес молчал – он проглотил хлеб, захваченный мной именно для такого случая, и теперь не возражал против нашего нешумного общества.

Не знаю, как долго тянулось наше ожидание. Я мерз и не раз принимался ходить по комнате, ступая с кошачьей осторожностью, чтобы разогнать стынущую кровь. Рис не шевелился. Только движение наблюдавших за мной глаз говорило о том, что это не статуя. Вот ведь преданное сердце, думал я, радуясь, что он пошел вместе со мной на это непростое дело.

Наконец послышались приближающиеся к дому шаги. Я снова прильнул к своему глазку, в глубине души надеясь, что они пройдут мимо.

Шаги замерли перед дверью. Я толкнул Риса. Тот кивнул. Он стоял ближе к двери, готовый к прыжку.

Звякнул крючок, и я напрягся. Изнутри мне не удалось завести его в гнездо в косяке.

Пришедший выругался:

– Опять не заперла!

Дверь со скрипом распахнулась внутрь. Собака заскулила и запрыгала на цепи, махая хвостом.

На пороге были видны чьи-то очертания. У человека имелась борода, но какая именно, я не мог сказать из-за плохого освещения. Рис прыгнул на мужчину сзади: одной рукой он обхватил его правое плечо, а второй пытался поймать левую, метавшуюся в воздухе. Держа клинок наготове, я бросился вперед. Вырвавшись из хватки Риса, противник заехал мне кулаком в скулу. Перед глазами замелькали звездочки, я пошатнулся.

Благодарение Богу, наша жертва предпочла отбиваться, а не кричать. Пока я приходил в себя, они с Рисом повалились на пол, катаясь и обмениваясь ударами. Чья-то нога задела

² Жандармы – в Средние века так назывались тяжелооруженные воины, как конные, так и пешие.

котел, подвешенный на цепочке над очагом. Крышка глухо стукнулась в стену, похлебка расплескалась по комнате. Залаяла собака.

Когда в голове прояснилось, я с силой пнул противника в живот. Разинув рот, как запутавшаяся в сетях рыба, он обмяк в объятиях Риса. Валлиец ловко просунул руки за спину врага у него под мышками и сцепил в замок за его шеей. Такой крепкий захват было почти невозможно разбить, но я тем не менее приставил острие кинжала к глазу бородача. Тяжело дыша, человек посмотрел на оружие, на меня, потом снова на клинок.

– Только крикни, и это будет последнее, что ты сделаешь в жизни, – прошипел я.

Борода лопатой поднялась и опустилась, когда он испуганно кивнул.

– Ты Генри, жандарм?

Снова кивок.

– Узнаешь меня? – спросил я, показывая лицо.

Генри замотал головой, но я разглядел в глазах проблеск. Он солгал.

– Несколько месяцев назад ты разговаривал с рыцарем по имени Роберт Фиц-Алдельм.

Королевская свита проезжала через Саутгемптон перед коронацией, и мой враг не терял времени даром. Даже будь у меня сомнения, неприкрытый страх во взгляде Генри развеял бы их. Вот тот, кто мне нужен, решил я, и продолжил:

– Фиц-Алдельм спрашивал про смерть своего брата, приключившуюся семь лет назад в таверне неподалеку.

Той ночью я убил одного из братьев Фиц-Алдельмов и заслужил пожизненную ненависть другого, Роберта. Я пришел в это место позаботиться о том, чтобы его свидетель, Генри, не поставил под удар мое положение при королевском дворе.

– Ну? – Я кольнул жандарма кинжалом.

– Я говорил с Фиц-Алдельмом. Да, сэр.

– Ты поклялся, что видел меня – меня! – близ той самой таверны.

– Ва... вас, сэр? – Он избегал встречаться со мной взглядом.

Я схватил его подбородок и заставил поднять голову.

– Так утверждает Фиц-Алдельм.

Взгляд его уперся в меня, потом скользнул в сторону.

– Я... я обознался, сэр. Это было давно. Память у меня не та, что прежде.

– Ты в жизни меня не видел и присягнешь в этом перед любым, кто спросит.

– Охотно, сэр, – пробормотал он. – Охотно.

– Это тебе за молчание. – Я извлек кошелек, хранившийся у меня за поясом после выезда из Лондона, и помахал им перед носом Генри. – Тут жалованье жандарма за три года.

Впервые – подобие улыбки.

– Ни звука не сорвется с моих уст, сэр. Душой клянусь. Пусть меня заберет Сатана, если я вру.

Наступил миг, которого я боялся с той самой поры, как начал охоту на единственного человека, если не считать Фиц-Алдельма, – человека, знавшего или подозревавшего о моей тщательно оберегаемой тайне. Все еще не отваживаясь совершить задуманное, я посмотрел на Риса. Парень, мрачный от подозрений, послал мне взгляд, в котором читалось: «Не верю я ему». Я снова посмотрел на Генри, который заискивающе улыбнулся.

Я подумал про Фиц-Алдельма и его неутолимую ненависть. Он не смирится просто так, если Генри изменит показания.

– У тебя жена и ребенок, – сказал я, благодаря Бога за то, что их нет в доме.

Сильный страх исказил его лицо.

– Да, сэр. Дитенку всего три месяца от роду. Наш первенец, мальчик. Они пошли навещать ее мать.

– Это близко?

– На другом конце города, сэ.

– Когда они вернутся?

– Только утром, сэ.

Я с огромным облегчением выдохнул и спросил:

– Они дороги тебе?

– Да, сэ. – Голос его дрогнул. – Они для меня – все. Не причиняйте им вреда, умоляю!

Я содрогнулся от отвращения при мысли о том, что способен угрожать двум безвинным созданиям. И внезапно принял решение.

– Им не причинят зла, – сказал я. – Клянусь тебе Христом распятым.

Генри издал вздох облегчения, и мы с Рисом обменялись многозначительными взглядами. Затем мой кинжал рассек Генри горло слева направо.

Его глаза, расширившиеся от удивления и боли, встретились с моими. Говорить он не мог. Я тоже. На меня брызнула горячая кровь. Генри задергался и напрягся, но Рис крепко держал его. Жизнь утекла из жандарма, и он безвольно опустился на пол. Когда Рис отпустил его, послышался глухой стук.

Будто догадавшись о судьбе хозяина, пес заскулил.

Мы с Рисом смотрели друг на друга поверх трупа Генри.

– Я убил его.

У меня тряслись руки.

– Убили, – деловито согласился Рис.

– Мне... – Я посмотрел на перепачканные кровью пальцы, на покрытую пятнами туннику. Коснулся щеки, и рука стала липкой. Стыд и печаль бичевали меня. – Что я наделал?

– Сэр!

Никогда Рис не обращался ко мне таким тоном. Я смотрел на него, ошарашенный выражением безжалостной решимости на лице парня.

– Если бы Генри, – продолжил он, – отступился от своих слов, Фиц-Алдельм поджарил бы ему пятки, вы это знаете. И запел бы наш жандарм, как птичка в клетке. – Я грустно кивнул. – Кошель с серебром был приманкой. Для отвода глаз. – Я слушал, как ребенок, которому втолковывают простые вещи. – Убийство было единственным выходом.

«Не совсем так, – подумал я. – Я мог ничего не предпринимать. Попытка Фиц-Алдельма очернить мое имя могла провалиться. Рис сделал бы важное свидетельство в мою пользу. Он как-никак тоже знаком королю, а Генри – никто. Никто с женой и малолетним сыном, кричала моя совесть».

Рис возвратил меня к жестокой действительности, и я послушался его совета. Дело сделано, сказал он, и казнить себя смысла нет. Я не спорил, когда мы вытерли большую часть крови и завернули Генри в одеяло, снятое с соломенной лежанки. Потом наступило самое тягостное время – мы ждали у остывающего тела, когда можно будет уйти незамеченными.

Отупевший от пережитого ужаса, я во всем подчинился Рису. Никогда прежде мне не доводилось закапывать человека в навозной куче, а потом, переодевшись в его запасную одежду, погребать собственное платье. Никогда прежде не кормил я собаку убитого мной человека. Я стоял в лачуге и смотрел, как пес пожирает кусочек сыра, лежавший на столе.

– Нам пора. – Рис, невозмутимый, как всегда, стоял рядом. – Рассвет близится.

Он протянул мне мой плащ. Хоть что-то приятное, подумал я. Мы оба заблаговременно сняли плащи и тщательно проверили, нет ли на верхней одежде пятен крови. Я накинул его на плечи.

Расправившись с угощением, пес просительно посмотрел на меня.

Я думал про жену Генри: оставшись без мужа, она скоро начнет голодать. Я положил на стол тихо звякнувший кошель. При осторожных тратах хватит на три года с лишним. Монеты не вернут ей мужа, сказал я себе, но это лучше, чем ничего.

Осознание этого нисколько не облегчило груза вины.

Часть I. Сентябрь 1189 года – июль 1190 года

Глава 1

Лондон

Ричард посмотрел поверх кипы пергаментов на столе. Обладатель могучего телосложения, он был плохо приспособлен к тому, чтобы сидеть на стуле, но все равно выглядел по-королевски, облаченный в малиновую тунику, штаны тонкой работы и кожаные сапоги. Он нахмурился:

– Божьи ноги, Руфус! Скверно выглядишь! Ты заболел?

Я замялся. По правде, после смерти Генри меня заедало чувство вины. Исполнив в Саутгемптоне королевское поручение – передав важные послания Ричарда капитанам стоявших там судов, – мы с Рисом вернулись ко двору. Теперь все устремили взгляды на меня: король, Уильям Маршал, его доверенный советник, юстициар Уильям Лоншан, мой враг Фиц-Алдельм и несколько писцов. Таращились даже пажи, застывшие на месте с кувшинами вина.

– Я вполне здоров, сир, спасибо. Погода не самая благоприятная для путешествий, так что я немного простыл.

И я кашлянул – достаточно убедительно, как мне показалось.

Удовлетворившись таким ответом, Ричард спросил:

– Письма передал?

– Да, сир. И доставил ответы капитанов.

Я вручил скатанные в свиток пергаменты пажу, а тот бегом отнес их королю.

– В таком случае ляг лучше в кровать. Я не могу допустить, чтобы один из лучших моих рыцарей разболелся.

Письмоводитель Ричарда взломал первую печать и уже разворачивал свиток, готовясь зачитать его королю.

Со времени коронации в сентябре Ричард полностью сосредоточился на сборе средств и подготовке к давно задуманному походу в Святую землю. Родилась шутка, что все в его королевстве пошло на продажу: власть, чины, графства и шерифства, замки, города и маноры. Ни дня не проходило без того, чтобы дворец не осаждали лорды и епископы, стремившиеся сохранить свои титулы или земли и разжиться новыми.

Радуясь, что король переключил свое внимание на другие дела, я пробормотал слова благодарности и удалился.

Фиц-Алдельм, ранее посланный к новому шотландскому королю Вильгельму и только что вернувшийся, обжег меня полным злостью взглядом. Ненависть всколыхнулась во мне, но не так, как прежде. Следом нахлынула вина. «Убийца, – думал я. – Я – убийца». Я был проклят вдвойне, потому что, если бы понадобилось убить Генри снова, я бы сделал это. Теперь Фиц-Алдельм лишился оснований обвинять меня в гибели брата.

Ричард крикнул мне вслед, чтобы я отдыхал столько, сколько понадобится.

«Мне нужен священник, а не лекарь», – подумал я. Но грех мой был так тяжок, что я не решался исповедаться. То была моя личная вина, заслуженная кара за содеянное. Так или иначе, мне придется нести ее молча.

Что до Риса, то его наш поступок не тяготил, но он видел, в каком я настроении. Он проводил меня в таверну на окраине города и начал ставить передо мной один кувшин вина

за другим. О Саутгемптоне не упоминалось. Вместо этого мы говорили про Утремер, Святую землю, и про победы, ждущие нас там. Еще мы пели – исполняли похабные песенки под треньканье менестреля на гитерне³. Мое настроение несколько улучшилось. Поддерживаемый твердой рукой Риса, я пошел, шатаясь, обратно во дворец. Не помню, как он уложил меня в постель, но как-то уложил: на следующее утро я проснулся с трещащей головой в своей кровати. Чтобы не показываться королю – ведь тот велел поправляться, а мне стало только хуже, – я остался под одеялом и жалел себя. В итоге терпение Риса иссякло. Поставив рядом с кроватью горшок и кувшин с водой, он бросил меня наедине с моими страданиями. Мне не хватило сил и духу позвать его назад, не говоря уж о том, чтобы сделать ему внушение.

Я провалился в сон, где меня без конца терзали последние слова Генри: «Они для меня – все. Не причиняйте им вреда, умоляю!» Снова и снова я видел, как Рис крепко держит его, а мой кинжал рассекает ему горло. Вздрогнув, я пробудился. В желудке ощущалась тяжесть, я потянулся за горшком и изверг выпитую незадолго перед тем воду. Лицо мое покрывала холодная испарина, с губы стекала слюна. Так я и лежал, свисая с кровати, слишком разбитый, чтобы пошевелиться.

Даже звук шагов на входе в комнату не заставил меня поднять голову. Это Рис, мелькнула неясная мысль, а быть может, жандарм Ришар де Дрюн, еще один мой приятель и товарищ по оружию. Сейчас начнет меня подначивать, как поступил бы и Филип, если бы вошел. Оруженосец Ричарда – некогда в этом звании состоял и я, – Филип был самым близким из моих друзей, с которым я делился почти всем. Я подумал, не рассказать ли про Саутгемптон, но, представив его ужас и отвращение, решил, что не стоит. Убийство Генри останется мрачной тайной, моей и Риса.

– Снова выпил лишнего, да?

Раздался тихий смех.

Удивленный – Беатриса нечасто заглядывала одна в мою комнату, ибо показаться здесь без компаньонки значило поставить под удар свою репутацию, – я вскинул голову:

– Госпожа. – Я утер губы и попытался улыбнуться. – Всего один кубок сверх меры, быть может.

Обладательница каштановых волос, пышной фигуры и очаровательной улыбки, Беатриса была служанкой одной из придворных дам Алиеноры. Я начал ухаживать за ней двумя годами раньше. Вопреки долгим разлукам, так как она неотлучно состояла при своей госпоже, а я – при короле, наша страсть каждый раз вспыхивала заново в миг встречи. Во время тайных свиданий в конюшнях или съемных комнатах над тавернами мы занимались всем, только не возлежали друг с другом как мужчина и женщина. Эту последнюю преграду Беатриса отказывалась переступить.

– Вот когда мы поженимся, Руфус... – взяла в привычку говорить она.

Она старалась встретиться со мной взглядом, и я, да простит меня Господь, нашептывал ей на ушко, что вот мы станем мужем и женой и тогда...

– Руфус?

Погрузившись в свои мысли, я не слышал ни слова.

– Госпожа?

– Руфус! – Она притопнула ножкой. Обычно я находил это ее телодвижение привлекательным, но сейчас оно казалось капризом. – Ты не в том состоянии, чтобы разговаривать о серьезных вещах.

Ее тон напомнил о том, что в последние месяцы мы частенько ссорились. Беатриса становилась одержима замужеством, я же, осознав то печальное обстоятельство, что она – не женщина моей мечты, под любым удобным предлогом уклонялся от брачных уз.

³ *Гитери* – струнный щипковый инструмент, распространенный в средневековой Европе.

Я сел и придал лицу серьезное выражение.

– В состоянии, госпожа. Прошу простить меня.

– Я говорила, что ты скоро уезжаешь, – сказала она, смягчившись. – В Святую землю.

К моему облегчению, тошнота отступала.

– Самое позднее – весной, а может, и раньше.

Король утверждал, что намерен встретиться с Филиппом Французским в конце года, обсудить с ним будущее путешествие в Утремер и многое другое. Как только мы доберемся до Нормандии, назад в Англию пути не будет. И было крайне маловероятно, что королева Алиенора поедет с нами.

– Я не увижу тебя по меньшей мере год, а то и больше.

В голосе ее звучала печаль, отозвавшаяся в моем сердце.

– Это верно, госпожа.

– У нас есть еще время для помолвки и свадьбы, – продолжила она лукаво. – Став мужем и женой, мы сможем наконец познать друг друга.

– Мы сможем... – проговорил я заплетающимся языком и глядел осоловелыми глазами. Смотреть на нее было приятно, но властная нотка в ее голосе мне не понравилась.

– Как думаешь, король придет? – спросила она.

– Придет? – Я до сих пор туго соображал. – Куда?

– На нашу свадьбу!

Господи Иисусе, подумал я. Мне и раньше приходила мысль, что она больше ценит мою близость к королю и положение при дворе, чем наши отношения. Вот и доказательство. Неизбежный отъезд в Утремер становился удобным случаем, чтобы порвать связь. Сердце у меня сжалось, но не от грусти, а при воспоминании об Алиеноре, первой моей любви. Вот ей бы я, не задумываясь, предложил руку и женился бы по возвращении из Святой земли. Увы, рассчитывать на это не приходилось. Несколько лет назад она вместе со своей госпожой Матильдой, сестрой Ричарда, уехала в Германию, а смерть Матильды, приключившаяся в начале этого года, делала надежды на ее возвращение почти призрачными.

– Скажи что-нибудь!

– Беатриса, я...

– Ты не хочешь на мне жениться?

Я понурил голову, и именно этого, разумеется, не следовало делать.

– Ну?

Вопрос был ядовитым, как осиное жало.

Даже в лучшие времена мне было трудно общаться с Беатрисой или любой другой женщиной, когда она расчувствуется. Голова гудела как барабан, и я не мог найти слов. Скажу правду – разобью ей сердце. Пусть я и убийца, но такого допустить не могу.

– Об ином я и не мечтаю, любимая, – слукавил я. – Но весьма вероятно, что я погибну в бою.

– Не говори так! – Беатриса села рядом на кровать и взяла меня за руку. На глаза у нее навернулись слезы.

– Это так, моя госпожа. – Говоря правду, я укреплял в себе решимость покончить нашу связь, и избранный путь казался многообещающим. – Я не могу оставить тебя вдовой всего через несколько месяцев после свадьбы.

– Другие рыцари женятся перед отъездом!

Она была права. Я с ходу мог назвать двоих. «Лишь бы она согласилась», – подумал я.

– А они так же близки к королю? Тебе ведь известно, Беатриса, что в бою он как лев. Ричард там, где идет самая жестокая схватка, а я – рядом с ним. Мы и смерть будем ходить по Утремеру рука об руку.

Она побледнела:

– Ты пугаешь меня, Руфус. Ты ищешь смерти?

Как странно: иногда кто-нибудь, не ведая того, указывает на правду, какой бы суровой та ни была.

– Если Смерть найдет меня, госпожа, я встречу ее лицом к лицу, – сказал я, а про себя добавил: «Именно этого я и заслуживаю».

– Руфус!

Хлынули слезы.

– Лучше каждому из нас идти своей дорогой. – Она зашла в рыдания, и я погладил ее по плечу. Стыдясь своего вранья, я несканно обрадовался приходу де Дрюна.

Беатриса отпрянула. Взяв себя в руки, она бросила на меня сердитый взгляд, пробормотала, что понапрасну тратила на меня время, и выпорхнула за дверь.

Де Дрюн с ангельским видом насвистывал мелодию.

– Я вам помешал?

– Некоторым образом.

Я чувствовал себя измотанным, опустошенным.

– На, похмелись.

Он сунул мне флягу.

Я отхлебнул добрую четверть, прежде чем он меня остановил.

– Такое не один пенни стоит, – возмутился де Дрюн. – Это тебе не английская кислятина, которую человек способен пить, только зажмурив глаза и стиснув зубы.

– За то, что ты так бесцеремонно ворвался, надо было отпить еще больше, – буркнул я в притворном гневе.

– Откуда я мог знать, что ты надеешься разыграть тут зверя с двумя спинами?

Подобно Филипу, де Дрюн знал о моих нежных отношениях с Беатрисой и о неудаче в преодолении последнего рубежа.

Я фыркнул.

– Этому не суждено было случиться. – Я вздохнул. – Увы.

– Жаль, – сказал он, скроив сочувственную мину.

– Не о чем жалеть.

Порыв страсти отступал под напором головной боли, и здравый смысл брал свое.

– Как так?

– Если я возьмусь с ней, она глубоко запустит в меня коготки.

Де Дрюн вопросительно посмотрел на меня.

– Беатриса хочет, чтобы мы поженились до нашего отъезда в Утремер, – пояснил я.

– А это не совпадает с твоими намерениями?

Я мотнул головой настолько резко, насколько позволяла боль.

– Именно это я пытался втолковать ей, когда ты ввалился.

– Разумно. Бог весть, как долго мы будем отсутствовать.

– Если вообще вернемся. – Я вспомнил о Генри и об избавлении, которое даст мне смерть.

– Поменьше бы таких разговоров. – Жандарм нахмурился. – Я, например, твердо рассчитываю вернуться из Святой земли. К тому времени, даст бог, я стану богатым человеком.

– И чем же ты займешься? – полюбопытствовал я, с радостью отвлекаясь от своих мрачных мыслей.

– Говорят, время никого не ждет. – Ришар глянул на меня. – Я подумываю обзавестись хозяйством, открыть таверну, быть может.

Я ухмыльнулся:

– С бесплатным элем для старых приятелей?

– Этого я не говорил.

Мы рассмеялись, и де Дрюн не возразил, когда я снова потянулся к фляге.

Эх, если бы отношения с женщинами были такими же простыми, как с товарищами по оружию!

Приближалось Рождество. Приготовления Ричарда шли полным ходом. Меня не уставало удивлять его внимание к подробностям. Он помнил, сколько подков заказал в том или ином городе – «пятьдесят тысяч в кузницах Динского леса», например, – или сколько колес для возов обещал поставить какой-нибудь сеньор. Бесконечно деятельный, он расхаживал взад-вперед, выпаливая перечни цифр, названия кораблей, сведения о размере их команд и необходимом запасе провизии, а писцы и слуги отчаянно заносили все это в свитки и пергаментные книги.

По разным отрывкам я мог составить общее представление о предполагаемом походе. Сто тысяч гвоздей здесь. Двадцать раз по двадцать бочек солонины там. Две верховые и две выючные лошади с каждого города в Англии, и половина этого – с каждого поместья. Дюжина рыцарей и двести лучников с оружием и запасом стрел от одного барона; десять рыцарей и сто пятьдесят жандармов – от другого. Одна цифра засела у меня в уме прочнее остальных. Четырнадцать тысяч фунтов, более чем полугодовой объем податных сборов Англии, предназначались для того, чтобы нанять флот в сто кораблей. Эти невообразимые деньги позволяли представить размах предприятия, участником которого я был. Кроме того, услышав об этом, я еще больше проникся верой в наш успех.

Снабжение войска было далеко не единственной заботой Ричарда. Во время его отсутствия королевством нужно было управлять. Матери Ричарда, королеве Алиеноре, предстояло присматривать за делами. Король часто с ней встречался, она участвовала во многих совещаниях с его лордами и советниками. При необходимости Алиенора вмешивалась непосредственно – например, незадолго до того она помешала папскому легату отплыть из Дувра без разрешения короля – и укрепляла тылы. Однако основная работа легла на плечи двух юстициаров Ричарда. Сместив многолетнего главного министра своего отца, Ричард утвердил собственную власть, назначив юстициарами Гуго де Пюизе, долго возглавлявшего Даремскую епархию, и Уильяма Лоншана, епископа Илийского.

Однажды ветреным утром, за несколько дней до отплытия в Нормандию, я находился при короле, когда он вызвал тех двоих. Прибыли они почти одновременно и столкнулись в дверях. Де Пюизе, высокий и подвижный, норовил первым переступить порог, но Лоншан, коренастый и плотный, хотел того же самого. На миг оба застряли в проходе, бросая друг на друга враждебные косые взгляды, потом Лоншан протиснулся вперед, а де Пюизе принялся злобно пялиться ему в спину.

– Только посмотри на них. Прямо как дети, – заметил Ричард.

– Мне на ум пришли мои братья, сир.

Сердце екнуло при воспоминании о давно умерших родичах. То, что виновный в их гибели Гай Фиц-Алдельм, убитый мной в Саутгемптоне, тоже гнил в могиле, утешало слабо. Не время горевать, сказал я себе, и стал наблюдать за двумя юстициарами. Де Пюизе спешил нагнать Лоншана, чтобы тот не подошел к королю первым.

– Приязни между ними явно нет, – сказал я.

Ричард вздохнул:

– Тем не менее этим двоим предстоит совместно управлять государством, пока я буду в Святой земле.

Я не ответил. Не мне было судить о людях, которых король ценил выше меня.

Ричард кивнул в ответ на поклон этой парочки и указал на стулья, стоявшие напротив него.

– К делу, господа, – сказал он.

Я прислушивался к разговору внимательнее обычного. Речь шла не о бочках с гвоздями или подковах, а о сводном брате короля Жоффруа и родном брате Джоне, известном прежде под обидным прозвищем Безземельный, но после коронации получившем графство Мортен в Нормандии.

Жоффруа, пятью годами старше Ричарда, до конца оставался верен их отцу Генриху. Будучи незаконнорожденным, он не мог претендовать на трон, но я бы не удивился, узнав, что Жоффруа метит выше, чем ему предназначено. Разве Вильгельм Завоеватель не начал свой жизненный путь как Вильгельм Бастард?

С Джоном дело обстояло иначе. Единственный оставшийся в живых родной брат Ричарда, он был следующим в очереди на трон. Этот злобный и гадкий человек постоянно строил козни и наушничал. Я невзлюбил его с первого взгляда, и, к несчастью, это чувство было взаимным.

Но все было не так просто, как я себе представлял. Ричард был не женат и законных детей не имел. Было разумно примириться со сладкоречивым Джоном, но, как и в случае с Жоффруа, доверие короля – и, определенно, мое – не простиралось так далеко.

Мое внимание вновь обратилось к разговору.

– Жоффруа, может, и не хотел становиться священником, сир, но позволил себя рукоположить, – сказал Лоншан.

– Но громко возмутился при этом, – добавил де Пюизе. – Помнится, он заявил, что предпочитает лошадей и собак книгам и священникам.

Это меня позабавило: я придерживался того же мнения.

– Ты говоришь правду, – сказал Ричард, в чьих глазах появился опасный блеск. – Еще он однажды положил на голову крышку от золотого котла и спрашивал у друзей, идет ли ему корона. Хорошо, что Жоффруа теперь священник и архиепископ в придачу.

– Тем не менее стоит подумать о том, чтобы удалить его из Англии на время вашего отсутствия, сир, – сказал Лоншан.

– А Джон? Правильно ли поступить так и с ним? – спросил Ричард.

Юстициары переглянулись. Я понимал, почему они осторожничают. Ричард много говорил о том, что надо бы изгнать и Джона, однако, судя по вопросу, у него оставались сомнения. Но мало кто посмеет спорить с королем.

– Так что? – рявкнул Ричард, переводя взгляд с одного на другого.

– Червь сомнения точит ваш ум, сир? – спросил Лоншан, ловко обращая вопрос к самому государю. – Полагаю, вы говорили об этом вчера с вашей госпожой матерью.

– Говорил, – признался Ричард.

Де Пюизе не уступал коллеге в сообразительности.

– Не удивлюсь, сир, если она, движимая материнской любовью, посоветовала дать ему попытаться снова.

Ричард фыркнул:

– Не иначе, ты подслушивал?

– О нет, сир!

Де Пюизе вежливо хихикнул, но выглядел польщенным.

Лоншан поспешил завладеть разговором:

– Может статься, сир, королева тревожится, так как с вами может случиться что-нибудь в Утремере – боже упаси! – а Джон будет томиться в Нормандии или в Анжу вместо Англии. Пустой трон – соблазн для любого.

Ричард хмыкнул:

– Божьи ноги, ты, видно, тоже слушал! Говорю вам: ничего со мной не случится во время этого похода.

Уверенность его была заразной, но впереди нас поджидали мириады тягот и опасностей: морские бури, болезни, раны, плен, даже смерть. Про себя я молил Бога, чтобы он простер свою длань над моим господином и королем.

– Тем не менее, сир, лучше быть готовым к любым неожиданностям, – сказал де Пюизе. Лоншан забормотал, соглашаясь. Де Пюизе продолжил: – А если случится несчастье, вашим наследником, скорее всего, станет Джон.

– Верно. – Ричард нахмурился. – Однако он еще не заслужил моего доверия. Впрочем, я могу понять тех, кто считает, что после моего отъезда ему стоит вернуться в Англию.

Де Пюизе кивнул, но у Лоншана вид был далеко не радостный.

«Переживает, что ему достанется меньше власти», – подумал я.

– Я... мы выполним любое ваше желание, сир, – сказал Лоншан. – Что бы вы ни решили, не опасайтесь – ваше королевство в надежных руках.

– Рад слышать это.

Голос Ричарда сочился ехидством.

Лоншан угодливо улыбнулся. Лицо де Пюизе осталось невозмутимым, но при этом унижении коллеги глаза его радостно блеснули.

Повисла тишина, которую не решался нарушить ни один из юстициаров.

– Я продолжу размышлять над этим, – объявил наконец Ричард. – Время у нас пока есть. Ступайте. – Он бросил взгляд через плечо. – Руфус, давай проедемся вместе. Голова моя забита этими хитросплетениями. Только свежий воздух способен их развеять.

– Конечно, сир.

Я был рад.

Внимания короля дожидалась целая гора пергаментов, у дверей в палаты толпилась очередь из баронов и чиновников, человек двадцать по меньшей мере. Это предвещало часы утомительной работы.

Попрощавшись с юстициарами, мы с королем направились к конюшням. Ехали мы без доспехов, поэтому не нуждались в дестрике, то есть в боевых скакунах, однако их требовалось время от времени разминать. Зима, проведенная в стойле, не идет на пользу ни одной лошади, не говоря уже о тех великолепных животных, которым предстояло нести нас в сражение. Я взял Поммерса, король выбрал того, на котором обычно ездил после гибели своего любимца Дьябло. Этот могучий, горячий гнедой с мохнатыми копытами по кличке Ураган норовил укусить любого, будь то человек или конь, кто оказывался поблизости.

Накинув капюшоны плащей, испуская облачка пара, мы выехали с покрытого ледяной коркой двора и направились вниз, к реке. Нас сопровождали Рис и Филип: первый – на Бычеглаве, моем запасном боевом коне, второй – на еще одном королевском скакуне. Пешеходы бросались прочь с нашего пути, вслед нам несло не одно проклятие. Я надеялся, что Ричард не слышит их – мне не хотелось наказывать попадавшихся нам навстречу невежд. Но король только рассмеялся, и я понял, что он наслаждается редчайшей возможностью побыть неузнанным.

Путешествовали мы молча: я не испытывал нужды в беседе, раз король не хотел говорить, он же пребывал в задумчивости. Мы проехали близ реки, направляясь к городским стенам, и вскоре оказались на открытой местности. Над головой мчались облака, проблески синевы напоминали о том, что где-то за ними прячется солнце. Ветер подхватывал и уносил дым, выходящий из крыши крестьянского дома. Хотя деревья стояли голые и черные, зелень живых изгородей потемнела, а дорога сделалась грязевым морем, в обжигающе-морозном зимнем воздухе ощущалась свежесть. Вдалеке залаяла собака. Галки болтали и переругивались друг с другом на ближайшем стогу, яркоглазый дрозд подглядывал за нами из усыпанного ягодами куста падуба. Заяц скакал через оставшуюся на поле стерню. Двое краснощеких мальчишек, собирающих хворост, помахали нам.

– Как хорошо оказаться вдали от всех, Руфус, – сказал Ричард. – Дни, подобные этому, – пир для души.

Я удивленно уставился на него – на короля нечасто находила чувствительность.

– Легко любить природу весной и летом, когда все зеленое и в цвету, – продолжил он. – Но в зиме есть своя прелесть.

– Это так, сир. Морозный день вроде этого заставляет дождливую пору казаться более сносной.

– Хорошенько это запомни. В следующий раз настоящую зиму мы увидим бог весть когда. – Ричард вновь стал деловитым. – Прогулка наша, увы, не может длиться долго. Давай заглянем в лес, а потом повернем обратно.

Мы поехали дальше. Я вновь посмотрел на зайца, еще не добежавшего до края поля.

– Если бы ветер немного успокоился, неплохой был бы денек, чтобы спустить сокола на вон того приятеля.

Улыбка.

– Ты становишься одним из нас, Руфус.

Он не собирался смутить меня, но я поежился в седле. Больше десяти лет минуло с моего насильственного отъезда из Ирландии. Мечты о возвращении посещали меня все реже. Да, я хотел стать лордом Кайрлинна, нашего родового владения, но это желание было не таким горячим, как прежде. Меня угнетала другая вина. Поступая так, я пятнал доброе имя отца и матери, подло убитых.

– Я говорю тебе это не в укор, Фердия, а в похвалу.

– Да, сир.

Это еще не все, подумалось мне. Он называл меня настоящим именем, лишь когда бывал настроен серьезно.

– Ты поклялся мне в верности, Фердия, а также принял крест. Если ты человек честный, а я знаю, что это так, ты должен понимать, что пути обратно в Ирландию пока нет.

Удивляясь его пронизательности, я посмотрел ему в глаза:

– Вы знали, что я думаю о Кайрлинне, сир.

– Лицо твое по большей части как открытая книга.

Он издал тот заразительный низкий смех, какой вырывался у него в минуты истинного веселья.

Я почувствовал, что щеки мои заливаются румянцем, как у незрелого юноши. Я всегда старался подражать Ричарду, искусно скрывавшему свои чувства, но покуда не слишком преуспел.

– Бог создал тебя таким, Фердия. Это не так уж плохо.

Вот почему Беатриса с такой легкостью читает мои мысли, уныло подумал я.

– А мой братец Джон слеплен из другого теста. – В голосе Ричарда послышалась усталая нотка. – Как и ты, он присягнул мне на верность. Тебе, к примеру, я не задумываясь доверю жизнь, а вот ему...

Он не договорил. Я был целиком согласен с ним – брат Джон всегда казался мне змеей.

Король бросил на меня пытливый взгляд.

Я колебался, раздираемый надвое, но принимать решение приходилось быстро, поэтому я отодвинул в сторону свое мнение. Моя неприязнь к Джону – личное дело, сказал я себе. Собственно говоря, никакого вреда он мне не причинил.

– Если ваша госпожа матушка доверяет ему, сир, то почему вам не стоит?

– Ха! Не знаю, доверяет ли она Джону, однако полагает, что парень заслуживает второй попытки. Материнская любовь, Фердия. По временам нет чувства более сильного и более слепого.

Будь у короля дети, подумалось мне, Джон не так сильно заботил бы его. Предмет был деликатным: Ричард давно обручился с Алисой, сестрой Филиппа Капета, но, похоже, не соби-
рался доводить дело до свадьбы.

– Как только вы женитесь, сир, и у вас родятся собственные дети...

– Божьи ноги, ты такой же зануда, как моя мать! – вскричал Ричард, но улыбнулся. – Однако все верно, королю нужна жена и, что важнее, наследник. К счастью, здесь я питаю большие надежды. Союз с одним королевством в Северной Испании позволяет убить двух птиц одним камнем: я получаю жену и союзника на юге против графа Тулузского. Мне сказали, что у Санчо Наваррского есть дочь подходящего возраста. Вскоре мы поедем на юг, чтобы с ним встретиться. Бог даст, еще до окончания встречи я буду помолвлен с его дочерью.

– А как же Филипп, сир?

Мне не было нужды упоминать имя Алисы.

Король бросил на меня острый взгляд:

– Я улажу дела с ним, когда поход будет в самом разгаре, и у него не будет возможности нарушить слово и вернуться домой.

– Он не обрадуется, сир.

– Нет. Но каждый человек имеет свою цену. Мне предстоит выяснить, сколько стоит Филипп.

Я решил, что мои неурядицы с Беатрисой – пустяк по сравнению с королевскими.

– Вот и лес, – объявил Ричард. – Пора возвращаться.

– Книги и счета, – устало промолвил я, жалея, что мы еще тут, а не в Утремере.

Король хмыкнул:

– Чистое проклятие, это верно. Как хотел бы я отшвырнуть их прочь и отплыть в Святую землю на следующий день после коронации. Но тщательное продумывание жизненно важно для войны, как и для всего прочего.

– Я предпочел бы в одиночку сразиться с целым отрядом сарацин, сир, чем иметь дело с горами пергамента на вашем столе.

– Я тоже, – сказал он, и я широко улыбнулся. – Когда придет день сразиться с турками, а он непременно наступит, мы поскачем на врага вместе.

Наслаждаясь расположением государя, ослепленный видениями славных битв, я позабыл про Беатрису, Фиц-Алдельма и Генри.

Единственным, что имело для меня значение, была война с сарацинами.

Глава 2

Нонанкур, Нормандия, март 1190 года

Капли дождя ударили в лицо, когда мы с Филипом достигли подножья лестницы, что вела в главный зал. Я глянул на небо. Выходя, я решил, что успею добежать до кухни без плаща. Теперь моя уверенность поколебалась. Черная туча нависала над донжоном, рокотал гром. Если не считать парнишки, заводившего лошадь в стойло, замковый двор был пуст. Люди выглядывали из кузницы и мастерских, ожидая потопа.

– Лучше поспешить.

Подгонять Филипа не пришлось – подобно мне, он был в шосссах⁴ и тунике. Он рванул с места, и я, принимая вызов, бросился за ним. На миг мы превратились в мальчишек, забавляющихся бешеной гонкой. Полученное вначале преимущество сыграло Филипу на руку, и он ликуяще закудахтал, первым добежав до двери кухни. Мне оставалось радоваться тому, что я успел в укрытие прежде, чем небеса разверзлись.

– Слишком много времени проводишь за столом, Руфус, и слишком мало у столба для упражнений, – сказал он, стоя на пороге.

Я заставил его потесниться.

– Ты сжульничал! Мы побежали не одновременно.

– А это, случаем, не пузо? – сказал Филип, шлепнув меня по животу.

Уязвленный, потому как плоти в этом месте стало немного больше, чем прежде, я зарычал и обхватил его рукой за шею:

– Я еще способен побить тебя, щенок!

Он со смехом высвободился.

– На мечях – быть может. А вот в беге – никогда.

Наверное, мой друг был прав, хотя я ни за что не признал бы этого. С выезда из Лондона у меня было слишком мало времени для упражнений или совершенствования в обращении с оружием. Филип, оруженосец, мог заниматься почти сколько хотел, тогда как я, близкий соратник короля, от рассвета до заката торчал на совещаниях, передавал послания, наставлял чиновников. И дело не только в этом. Мы редко задерживались где-нибудь больше чем на седмицу. Просыпаясь поутру, я с трудом соображал, где нахожусь. При иных обстоятельствах постоянная перемена мест быстро бы примелькалась, но воодушевление перед отправкой в Утремер, охватившее всех, кто состоял при дворе, было заразительным.

Одиннадцатого декабря мы вышли из Дувра в Узкое море. Рождество отпраздновали в нормандском Бюрене – приятное время обильных угощений и возлияний. Однако несколько дней спустя состоялась напряженная встреча с Филиппом Капетом. Оба короля договорились хранить мир на время своего отсутствия, не покушаться на земли друг друга и обязались заставить своих баронов делать то же самое. Ричард снова подтвердил помолвку с сестрой Филиппа, Алисой, – спустя несколько дней после того, как поделился со мной мыслями о женитьбе на дочери короля Санчо Наваррского. Он ходил по лезвию ножа: один неверный шаг – и французский монарх откажется от участия в походе, а потом и войну объявит. Но Ричард явно был уверен в успехе, и я говорил себе, что ему виднее.

К Сретению мы переместились на юг, в Ла-Реоль на берегах Гаронны, где Ричард заново принял присягу у гасконских сеньоров. Запланированные переговоры, касавшиеся намерения короля жениться на Беренгари, дочери Санчо Шестого Наваррского, не состоялись по при-

⁴ Шоссы – длинные, облегающие ногу штаны.

чине снегопада, засыпавшего перевалы в Пиренейских горах, но начало было положено в виде отправленного с кораблем письма. Из Ла-Реоля мы прибыли сюда, в Нонанкур. Это случилось два дня назад. Ричард созвал большое собрание, на котором присутствовали его мать, королева Алиенора, братья Жоффруа и Джон, Уильям Лоншан, Гуго де Пюизе и многие другие епископы. Кого тут только не было. Большой зал набился битком. Не прошло и часа, как я стал свидетелем свары между двумя юстициарами, – опасения Ричарда насчет их совместного правления Англией были далеко не беспочвенными.

Пробираясь между слугами, мывшими в чанах кастрюли и сковороды, мы направлялись к печам. Мы тут примелькались, поскольку частенько наведывались за свежим хлебом или пирогами. Я обеспечил нам радушный прием, раздавая главным поварам по несколько серебряных пенни в каждый приход. Разжившись цыплятами и выпечкой с изюмом, мы расположились в сторонке, у дверей, и, принявшись за еду, стали смотреть на дождь.

По лестнице спустился кто-то в плаще. У подножья порыв ветра на миг откинул капюшон, обнажив квадратную башку Фиц-Алдельма. Вместо того чтобы направиться на кухню, рыцарь нырнул ко входу в помещение, расположенному в цокольном этаже под большим залом. Там располагались кладовые для провизии и вина, хранилища, а также камеры для заключенных. Было странно, что Фиц-Алдельм вышел на улицу, рискуя промокнуть. В цокольный этаж можно было спуститься по внутренней лестнице из зала. Я поделился своим наблюдением с Филипом, и тот согласился со мной.

– Я пойду и посмотрю, – предложил он.

Тронутый – Филип считал Фиц-Алдельма врагом только потому, что тот был врагом мне, – я с благодарностью пожал ему руку.

– Если бы он заметил меня, то понял бы, что я шпионю, – сказал я.

– А у меня, оруженосца, есть множество причин оказаться там, – ответил Филип, подмигнув. Быстренько дожевывая последний кусок пирога, он выскочил под дождь.

Прошло немного времени, и туча, превратившая замковый двор в скопление луж, истощилась. Держась поближе к стене, я сумел добраться до лестницы, не замочив ног. В расположенном неподалеку аббатстве колокола отзвонили третий час⁵. Я стал подниматься, перепрыгивая через две-три ступеньки. До начала созванного Ричардом собрания оставалось еще много дел, напроць заставивших меня забыть про Фиц-Алдельма и его козни.

Большой зал был очищен от мебели, все столы слуги сдвинули к стенам, кроме одного, длинного, в середине комнаты. Подушки на скамьях указывали на то, что членам королевского двора и епископам не по вкусу сидеть на твердых досках. Выложенный плитами пол был устлан свежим тростником и душистыми травами. В большом очаге пылал огонь, и сидящим поблизости от него было тепло, даже чересчур. Расположившиеся в отдалении стали добычей сквозняков. Ветер рвал с окон закрытые ставни, а всякий раз, когда дверь в конце зала открывалась, внутрь врвался поток холодного воздуха.

Собрались почти все. Место Ричарда пустовало: он расхаживал по залу вместе с Генрихом Блуаским, графом Шампанским – светловолосым юношей, который находился в сложном положении, приходясь племянником одновременно Ричарду и Филиппу Капету. Открытый и смешливый, он явно был славным парнем и нравился королю. Через несколько дней Генриху предстояло отправиться в Святую землю, его задачей была осада Акры – прибрежного города, уступленного сарацинам почти три года тому назад. Как и большинство христианских крепостей, Акра пала вскоре после сокрушительного разгрома в битве при Рогах Хаттина.

⁵ Здесь и далее время дня указывается по богослужебному календарю, в соответствии с которым отсчет ведется примерно с шести утра.

Для матери Ричарда и его невесты Алисы были оставлены места справа от короля. Филип скромно держался в нескольких шагах позади, ожидая указаний. За двумя незанятыми местами расположился Жоффруа, сводный брат короля и архиепископ Йоркский. Он увлеченно беседовал с епископами Норвичским, Батским и Винчестерским, старательно не замечая Гуго де Пюизе, епископа Даремского, сидевшего напротив. Тот, в свою очередь, притворялся, что не видит Уильяма Лоншана, канцлера, епископа Илийского и своего собрата-юстициара. Уильям сидел сразу за Губертом, епископом Солсберийским, и разговаривал с братьями Маршалами, Уильямом и Джоном.

Присутствие такого множества высоких духовных особ разбередило рану в моей душе. Я собрался было исповедаться в убийстве Генри одному из прелатов, но тут же передумал. Мое раскаяние могло убедить клирика, но Бог понял бы, что я лгу. Чувствуя себя несчастным, я старался отвлечься, разглядывая присутствующих.

Слева от места Ричарда сидел Джон, его брат и граф Мортенский. Смуглый, рыжеволосый, рыхлый и склонный к полноте, он не унаследовал ни намека на королевскую статью и величие. Джон держался отдельно от других и частенько прикладывался к кубку, поглядывая на собравшихся своими змеиными глазками. Сидевший рядом с ним епископ вполне довольствовался, похуже, собственным обществом, не принимая участия в беседе с собратями-клириками и зная по другую сторону стола.

Джон навел меня на мысль о Фиц-Алдельме, и я посмотрел на врага. Наряду со мной, Балдуином де Бетюном, Андре де Шовиньи и группой рыцарей двора и чиновников, он стоял лицом к королевскому месту за столом, на почтительном расстоянии от него. Нам позволили присутствовать на собрании, но не принимать в нем участия. Фиц-Алдельм болтал с Одо де Гюнессом, своим дружкой, недавно принятым ко двору. Человек обаятельный, отличный боец – причина, по которой Ричард пригласил его, – де Гюнесс был также хитрым и изворотливым, как лис. Сомневаюсь, что король подозревал об этой стороне его натуры. Сам я узнал об этом, подслушав однажды его разговор с Фиц-Алдельмом. Я был убежден, что де Гюнесс не остановится перед убийством.

Открылась дверь личных королевских покоев в ближнем конце зала. Вышел майордом и зычно провозгласил:

– Королева Алиенора!

Затем он объявил Алису, сестру Филиппа Капета.

О том, что она невеста короля, не упомянули, и я обратил внимание на это. Прежде чем жениться на Беренгари, Ричарду предстояло разорвать длившуюся двадцать лет помолвку с Алисой – опасная затея, чреватая войной с Францией. Из-за связанной с ней правовой загвоздки и пригласили столько епископов. Для решения этого вопроса следовало учесть все тонкости династического брака и соблюсти все положения канонического права.

– Они будут сидеть за этим столом до тех пор, пока я не получу желаемого, – заявил король.

О чувствах сестры французского короля он не упомянул, но я знал, что они переговорили наедине после приезда Алисы. Я не завидовал ее положению: пешка между двумя королями.

Сидевшие за столом встали. Ричард поспешил проводить мать к ее месту. Он сдержанно поздоровался с Алисой, скромно шедшей позади Алиеноры. Мы все поклонились, когда королева подошла к нам – в темно-зеленом платье, с волосами, убранными под тонкую как паутина золотую сетку. Все еще красавица, несмотря на свои годы, живое воплощение величия и достоинства, она улыбнулась королю, покуда тот хлопотал, устраивая ее поудобнее. Помог он усесться и Алисе, которая выглядела мило в своем небесно-голубом платье, но вела себя сдержанно. Я задавался вопросом, правдивы ли слухи о ее давней связи с отцом короля, Генрихом.

Заняв свое место, Ричард без обиняков приступил к делу. Обсудить предстоит многое, сказал он, но начать стоит с самого неотложного.

– Сдается мне, что после моего отъезда из Англии юстициары если не вцепились друг другу в глотку, то сильно повздорили.

Он посмотрел на де Пюизе, потом на Лоншана. Первый покраснел, второй остался невозмутимым.

Лоншан знает, что произойдет, подумал я. Ричард сказал ему.

– Как мне передают, то, что по душе одному, непременно огорчает другого, – продолжил король.

Де Пюизе кашлянул.

– Честно признаюсь, сир, мы не очень ладим.

Взгляд Ричарда переместился на Лоншана.

– Что до меня, сир, то я выразил несогласие с некоторыми предложениями де Пюизе, – заявил епископ Илийский, скользкий как угорь. – Тогда как он...

Ричард поднял руку, не дав канцлеру договорить.

– У меня нет ни времени, ни терпения выслушивать ваши взаимные наветы. Раз дела обстоят так скверно, когда я всего только за Узким морем, мне страшно представить, что произойдет ко времени нашего прибытия в Утремер. С этого дня управление моим королевством будет разделено пополам. Ты, де Пюизе, будешь юстициаром на землях к северу от реки Хамбр, до шотландской границы. А твоя власть, Лоншан, будет распространяться на остальную часть Англии.

Пока Лоншан, довольный, как кот, получивший миску сливок, рассыпался в благодарностях, де Пюизе изменился в лице, побагровев.

– Чем прогневал я вас, сир, раз вы поручили мне эту службу?

Последнее прозвучало презрительно.

– Ты собираешься сказать, что не хочешь исполнять ее?

– Н-нет, сир! – пролепетал смутившийся де Пюизе.

– Ну так бери, что дают, и радуйся.

Спасовав перед королем, де Пюизе забормотал слова благодарности. Его взгляд, обращенный на Лоншана, был полон ненависти.

Звезда канцлера продолжила свое восхождение: Ричард сообщил, что отправил папе Клименту послание с просьбой назначить епископа Илийского легатом в Англии и Шотландии – то была высочайшая из доступных ему церковных должностей. Еще король приказал Лоншану обнести лондонский Тауэр глубоким рвом, укрепив тем самым его оборону.

Речь зашла о Жоффруа, сводном брате Ричарда, и поведение короля стало еще более резким. Этому не стоило удивляться. Несколько месяцев назад, накануне нашего отъезда из Англии, ему пришлось улаживать бурную свару между Жоффруа и де Пюизе вкуче с несколькими епископами и другими высокопоставленными церковниками. Этот спор тянулся с Рождества, и король разозлился до того, что забрал в казну кое-какие имения Жоффруа.

– Если речь о монетах, которые я должен... – начал Жоффруа.

– Не о них, – оборвал Ричард. – Не знаю, как еще сказать, если не напрямик, Жофф. Я прошу тебя поклясться на святом Евангелии, что нога твоя не ступит на английскую землю в течение ближайших трех лет иначе как с моего разрешения.

Жоффруа едва не поперхнулся глотком вина.

– Согласись с моей волей, брат. Иного пути я не вижу, – продолжил король.

– Хорошо, сир.

Голос Жоффруа был сдавленным, лицо перекошилось, но возражать он не осмелился.

Ричард наклонился вперед и посмотрел на младшего брата:

– О том же я прошу и тебя.

Джон болезненно поморщился:

– Ты желаешь, чтобы я оставался в Нормандии или в Анжу на все время твоего отсутствия, сир?

– Да.

– Ты отправляешься на войну, брат. Помимо ран или гибели в бою, тебе грозят морские бури, лагерные хвори или пленение.

– Я иду не просто воевать, но освобождать Иерусалим от сарацин, – поправил его Ричард.

– И все мы надеемся на успех и молимся о нем, – сказал Джон на удивление искренним тоном. – Тем не менее тебя подстерегают серьезные опасности. Бог милостив, все эти напасти обойдут тебя стороной, но если вдруг не обойдут, тебе понадобятся в Англии верные слуги, способные уберечь трон.

– Они у меня есть, – ответил Ричард. – Лоншан, де Пюизе, Маршал, Бардольф, Фиц-Питер и Брюйер.

Помимо двух старших юстициаров, король назначил Уильяма Маршала и еще троих юстициарами, и все они присутствовали на собрании.

Щеки Джона порозовели.

– Но они ведь не твоя плоть и кровь, сир!

– Воистину так, – согласился Ричард. – Зато наша государыня матушка – да. А она остается в Англии.

Застигнутый врасплох, Джон тем не менее быстро пришел в себя и посмотрел на Алиенору.

– По душе ли тебе такое решение? – спросил он.

Алиенора, потупившись, ответила не сразу.

– Твое молчание дает понять, что ты не согласна с Ричардом, мама, – закинул удочку Джон.

Ричард нахмурился.

– У меня есть сомнения, это верно, – сказала Алиенора. – Мы с твоим братом королем обсуждали это. И будем обсуждать дальше, но пока я прошу тебя исполнить его приказ и дать клятву.

Глаза у Джона сверкнули, но все же он кивнул.

– Ну хорошо, мама. – Принц посмотрел на брата. – Я даю клятву.

Ричард выглядел удовлетворенным.

Затем начали обговаривать вопросы канонического права, касавшиеся королевской суженой – Алисы, сестры Филиппа. С самого начала стала понятна цель – позволить Ричарду законным образом отказаться от помолвки. Алиса становилась все более мрачной. Королю хватило милосердия, чтобы принять огорченный вид, когда она сказала, что неважно себя чувствует и просит разрешения уйти. Разрешение сразу же было получено. Когда Алиса поднялась, Алиенора шепнула что-то ей на ухо, и та натужно улыбнулась.

Бедное создание, думал я, глядя ей вслед.

Филип подлил вина королю, после чего направился к комнате за дальней стеной зала, в которой держали яства и питье. Утомленный бесконечными речами епископов, бравших слово один за другим, я потихоньку последовал за другом.

Под неодобрительным взглядом дворецкого, на чьем попечении находились еда и напитки, я разжился небольшим серебряным кубком. Филип, легко угадавший мое желание, до краев наполнил его вином из нового кувшина.

– Божьи пальцы, я помру от скуки, прежде чем этот день закончится, – сказал я, пригубив напиток.

Дворецкий фыркнул. Я строго посмотрел на него, и он внезапно обратил свое внимание на служанку, что мела пол неподалеку от нас.

– Тебе хоть выпить можно, – заметил Филип. – А мне приходится оставаться трезвым.

– Соболезную.

Я отсалютовал ему кубком.

Он скорчил рожу.

– Будешь надо мной издеваться, не узнаешь новостей.

Мне вспомнилась его мысль – проследить за Фиц-Алдельмом. Я отошел подальше от дворецкого и незадачливой девки с метлой, которой грозила хорошая взбучка.

– Что ты видел?

Лицо Филипа приняло заговорщицкое выражение.

– Фиц-Алдельм воспользовался наружной лестницей, потому что не кто иной, как принц Джон, спустился по внутренней.

– Они не хотели, чтобы их видели вместе!

– И мне так показалось.

– О чем они говорили?

– Вот тут-то и загвоздка. Я последовал за ними в винный погреб, но не сумел подобраться достаточно близко, чтобы расслышать хоть слово. – Филип развел руками. – Ты уж извини, Руфус.

Я благодарно улыбнулся:

– Не извиняйся. На такой успех я даже не надеялся.

– Как-то скверно это выглядит. Зачем им уединяться втайне?

Филип был человеком, как правило, доверчивым. Его подозрительность только подстегнула мою.

– Измена, – заявил я.

– Не может быть!

– Люди, подобные Фиц-Алдельму, мать родную продадут. Джон из того же теста. Помнишь, он бросил умирающего отца, когда победа Ричарда стала очевидной?

– Поступок, достойный презрения. – Филип покачал головой. – Почему Ричард принял у Джона клятву верности?

– Ему свойственна та же слабость, что и его отцу. Генрих раз за разом прощал своих детей, в том числе и Ричарда, когда они восставали против него. Вот и Джону позволили вернуться в стадо.

– Думаешь, король разрешит принцу поехать в Англию?

Я подумал о разговоре Ричарда с де Пюизе и Лоншаном в Лондоне. Об уважении, которое он питает к матери. О ее сомнениях, когда Джон попросил Алиенору высказаться насчет запрета.

– Да, – устало проронил я. – Думаю, это вполне возможно.

Казалось, препятствиям на пути Ричарда не будет конца.

И мы можем вообще не попасть в Утремер.

Несколькими днями позднее Ричард снова встретился с Филиппом. Я присутствовал при этом. Принесенные королями клятвы не угрожать державам друг друга, пока они на войне, были возобновлены, и епископы пообещали отлучить того, кто нарушит соглашение. Приготовления к отплытию в Утремер задерживались с обеих сторон, поэтому договорились, что вместо первого апреля войска соединятся в Везле на День святого Иоанна Крестителя, двадцать четвертого июня. Неожиданный и печальный конец встрече положил всадник, перепаханный грязью и усталый. Он скакал во весь дух, чтобы привезти ужасную весть от французского двора: королева Изабелла, супруга Филиппа, скончалась при родах, произведя на свет двух мертворожденных близнецов.

Французский король отбыл, даже не попрощавшись. Ричард хмуро глядел ему вслед.

– Он не друг мне, Руфус, – сказал король. – Но такого несчастья никому не пожелаю. Да поможет ему Господь.

Немногим доводилось наблюдать человеколюбие Ричарда, но оно в нем было. Вскоре его вытеснил гнев. Мы снова отправились в поход через Мэн, Анжу и Пуату в Гасконь, к замку одного сеньора, чьи люди грабили паломников на пути в испанское святилище Сантьяго-де-Компостела. После короткой осады мы взяли крепость приступом и перебили всех, кто оказал сопротивление. Сеньор сдался довольно охотно, уповая на то, что будет помилован благодаря своему знатному происхождению.

Ричард повесил его прямо на стене замка.

Свершив королевское правосудие, мы продолжили путь на юг. Не успели мы сделать один переход, как нас перехватил гонец. Такое случалось нередко: Ричард постоянно находился в движении, и важные новости должны были догонять его. Почти неотлучно находясь при короле, я зачастую присутствовал при приеме посланцев. Сообщения по большей части были скучными и касались повседневных дел вроде пожалования имени или леса тому или иному лорду, назначения епископа, собирания флота, призванного доставить нас в Утремер.

Но только не в тот апрельский вечер.

Прибыло письмо от королевы Алиеноры с рассказом о жестоком избиении сотен евреев в Йорке. Притом что в народе евреев не жаловали – это ведь убийцы Христа, – новость была ужасной.

Кипящий от ярости Ричард обвинял Лоншана в неспособности справиться с делами.

– Ему следует навести порядок, и сурово! Я не могу вернуться в Англию. Только не сейчас!

Я огляделся. Люди переговаривались вполголоса, опасаясь короля: жуткое событие, случившееся в Йорке, угнетало всех. Я услышал, как Фиц-Алдельм произнес, шепотом, но недостаточно тихо: «Жаль только, что всех этих мерзопакостных евреев не перебили так же». Он сердито глянул, когда де Гюнесс сказал что-то в ответ. Я наострил уши и сумел уловить следующие слова де Гюнесса: «Твои долги». Фиц-Алдельм посоветовал ему захлопнуть рот. Я припас эту толику сведений до будущих времен. Выходит, Фиц-Алдельм задолжал ростовщику-еврею где-то в Англии.

На следующее утро, после того как поостывший Ричард продиктовал письма к матери, Лоншану, де Пюизе и сенешалям в Аквитании, Нормандии и Бретани, мы снялись с лагеря. Шли мы четыре дня, углубившись на юг дальше, чем мне приходилось бывать ранее, и зайдя в крутые, прекрасные Пиренейские горы. Служившие домом для медведей, волков и орлов, с густыми лесами на склонах, они протянулись с запада на восток, от моря до моря, отделяя Аквитанию и графство Тулузское от испанских королевств. На границе между Гасконью и Наваррой, в сонном городке, Ричард встретился с королем Санчо Шестым, невысоким человеком с узким лицом и глазами навывкате.

Красота – не первое дело, проговорил я тихонько, обращаясь к Филипу, но если Беренгария уродилась в отца, едва ли ей удалось вскружить много голов. Подмигнув, Филип заявил, что мужчина любит смотреть на огонь, а не на очаг, в котором тот пылает. Если Беренгария способна родить Ричарду сына, продолжил мой друг, ее внешность значения не имеет. И правда, любовь и привлекательность отступают перед государственными надобностями.

Никому из нас не разрешили присутствовать на переговорах между Ричардом и Санчо, продлившихся несколько дней. Король Наваррский явно оказался силен в торге – из-за дверей палат не раз слышалось восклицание: «Божьи ноги, сколько?» В итоге, однако, сделка состоялась. Ричард сообщил о ней Уильяму Маршалу, который был с нами, и я слышал каждое слово.

Чтобы жениться на Беренгарии, королю предстояло расторгнуть помолвку с Алисой. Поскольку Филипп Капет пока не подозревал о новом союзе, брак предстояло свершить не раньше, чем монархи отправятся в Святую землю. Решение искали с учетом того, что Ричард

будет отсутствовать по меньшей мере два года, и заключалось оно в следующем. Они с Санчо договорились, что Алиенора приедет в Наварру и станет наставницей при Беренгари. Затем оба короля поедут на Сицилию, где Ричард собирался остановиться на пути в Утремер. Условились, что бракосочетание состоится в Мессине.

Оставалось гадать, будет ли Беатриса сопровождать Алиенору, – в таком случае я мог увидеться с ней на Сицилии. Угли былого костра остыли, сказал я себе. Любая попытка раздуть их встретит твердый отказ с моей стороны.

Я отправлялся воевать и не искал себе жену.

Глава 3

Шинон, Турень, июнь 1190 года

До полудня оставалось недолго, и земля купалась в солнечном свете. Высоко в голубом небе парила пустельга, высматривая мелкого зверя в полях вокруг замка. Мы с Рисом находились в замковом дворе, пустом, согласно королевскому приказу. Вместо привычной толпы слуг, солдат, скопища лошадей и повозок у стены напротив донжона были установлены соломенные мишени. Лицом к ним выстроились крепкие пизанские арбалетчики из войска Ричарда, числом около дюжины. Самоуверенные, скорые на похвальбу, они дожидались прихода короля, устроившего соревнование между ними. Они едва удостоили меня вниманием, когда я занял место на краю шеренги. Рис, начавший заниматься с арбалетом намного раньше меня, сделал то же самое.

Больше месяца минуло с тайной встречи между королем и Санчо. Мы так и не отплыли в Утремер, но мое терпение, дошедшее уже до крайности, было наконец вознаграждено. Через несколько дней войскам Ричарда предстояло собраться под Везле. Предполагалось, что там мы объединимся с королем Филиппом и оттуда вместе пойдем на Лион. Нам предстояло переправиться через Рону, а затем разделиться. Французский король намеревался идти по суше до Генуи, тогда как нас ждали корабли в Марселе. Заново объединившись на Сицилии, мы должны были морем отправиться в Святу землю.

Я не мог дождаться этого мига.

Щелк. Звук спускаемой тетивы арбалета безобиден, но у меня от него всегда бежали мурашки. С близкого расстояния стальная стрела легко пробивает кольчугу. Меня же, одетого только в штаны и тунику, прошило бы насквозь. Я перевел взгляд с Риса на его мишень, стоявшую шагах в восьмидесяти. Черная точка в центре говорила том, что его усилия вознаграждены.

– Недурно.

Рис хмыкнул. Он уже упер конец арбалета в живот и взялся за ворот.

Я прицелился и выстрелил.

– Ха! – воскликнул Рис. – Как всегда, мимо чертовой цели.

– Будь это человек, стрела попала бы ему в плечо.

– Я-то своему врагу стрелу в грудь всадил.

В его тоне слышалось явное довольство собой.

Он стрелял лучше, и мы оба это знали. На пользующихся арбалетом рыцарей смотрели косо, поэтому, когда Рис принялся заниматься с ним, я торопиться не стал. Недавнее заявление Ричарда о том, что арбалет станет оружием каждого воина в Утремере, изменило все. Я начал постоянно упражняться.

– Давай попробуем еще раз, – предложил я, перезаряжая.

Второй мой выстрел оказался лучше, таким же хорошим, как у Риса. Как и третий. Зато четвертая стрела прошла выше цели. Рис не смог скрыть радости, и я сердито глянул на него. Так и продолжалось: иногда я стрелял наравне с ним, но по большей части – нет, и парень с трудом сдерживал ликование. Я делал вид, что чертыхаюсь себе под нос, но в душе был доволен. Я мог побить его верхом или пешим – почему бы не позволить юнцу быть лучше в чем-то другом?

Вопреки моей внутренней невозмутимости, между нами разгорелось молчаливое соревнование. Поглощенные им, мы не заметили, как подошел король. Привлеченный хором возбужденных голосов, я увидел его стоящим среди пизанцев. Неплохо говоривший по-итальян-

ски, он шутил и смеялся, то восхищался арбалетом одного из воинов, то наблюдал за выстрелом другого. С ним был Филип, несший тяжелый арбалет и связку стрел. Андре де Шовиньи, двоюродный брат Ричарда, заряжал свое оружие и болтал с Балдуином де Бетюном. Подтянулись и другие рыцари двора, каждый с арбалетом в руке. Фиц-Алдельм, покуда не заметивший меня, во что-то целился.

– Дамы смотрят, – сказал Рис.

Я обернулся и увидел в одном из больших окон королевских покоев королеву Алиенору. Рядом с ней стояла придворная дама, а поверх ее плеча выглядывала Беатриса. Она отвернулась прежде, чем я успел кивнуть ей. Сердце у меня екнуло. Помимо короткого сдержанного разговора в Нонанкуре, мы не встречались с самого отъезда короля, а после прибытия Алиеноры обменялись только парой холодных слов. Ты заварил кашу, напомнил я себе, вот и расхлебывай.

Рис внимательно посмотрел на меня, но я ничего не сказал, а он, благослови его Бог, не стал спрашивать.

– Не понимаю, сир, с какой стати нам учиться пользоваться этим оружием трусов.

Громкий гнусавый голос принадлежал де Гюнессу.

– Трусов? Почему? – спросил Ричард.

– Арбалет убивает издали, сир. Он никак не сравнится с мечом или копьем.

Де Гюнесс поцокал языком и обвел взглядом присутствующих в поисках поддержки. Последовало несколько кивков.

– Каюсь, сир, но я придерживаюсь такого же мнения, – заявил Фиц-Алдельм. – Не благородное это оружие.

Слышать такое от человека, пытавшегося меня убить, было смешно, но я промолчал. В тихой речке вода глубже, гласит пословица. Если затаиться достаточно надолго, Фиц-Алдельм расслабится и даст мне возможность уличить его как подлого мерзавца.

– Быть может, арбалет – не благородное оружие, но для пехотинца, встречающего атаку закованного в броню рыцаря, он означает разницу между жизнью и смертью, – возразил Ричард. – В грядущие месяцы и годы будет случаться так, что мы не сможем пойти в битву конными. Насколько нам известно, осада христианами Акры, которая продолжается, пока мы с вами сейчас говорим, едва ли закончится прежде, чем наш флот достигнет берегов Святой земли. И если так, я не стану ждать, пока не проломают стены. – Король взял у Филипа арбалет и вскинул его. – Он будет моим оружием в точности так же, как стал им для пуленов, то есть франков из Утремера. Не важно, как именно мы будем убивать поганых сарацин. Одна дорога в ад ничуть не хуже другой!

Раздались одобрительные крики. Пристыженный де Гюнесс кивнул.

Ричард натянул тетиву и наложил стрелу. Вскинув арбалет к правому плечу, он быстро прицелился и выстрелил. Все следили за стрелой. Когда та вонзилась в центр мишени, снова раздались одобрительные возгласы.

– Каждый из вас должен уметь это делать, – сказал король. – Приступайте!

Рыцари встали на рубеж, к каждому прикрепили пизанца, показывавшего, как надо, и помогавшего советом. Я продолжал стрелять по мишени, Рис тоже. То и дело звучал приказ остановиться, чтобы валлиец и пизанцы могли собрать стрелы, затем упражнение продолжалось.

Время шло. Солнце поднималось, во дворе становилось все жарче. Моя туника потемнела от пота, лицо начало гореть. Я думал о том, как редко мне приходилось видеть жаркое лето в пору юности и какой красной делается моя кожа под солнцем. В Утремере я сварюсь заживо.

– Сарацины пользуются арбалетами? – спросил Рис.

– Нет. Зато почти каждый умеет стрелять из лука и скакать на лошади.

Голос Ричарда заставил нас обернуться. Я поклонился, Рис упал на колени.

– У сарацин нет рыцарей вроде наших, – подхватил тему король. – Вместо них они полагаются на тысячи конных воинов, именуемых мамлюками. Говорят, что у мамлюков две пары глаз – одна спереди, другая сзади, – такие они зоркие! С детства привыкшие к лошади, эти воины владеют всеми тайнами верховой езды. Умелые в обращении с упряжью, прирожденные охотники, они стойко переносят любую непогоду и способны пускать стрелы в любом направлении на полном скаку.

Все перестали стрелять. По напряженной позе королевы Алиеноры я сделал вывод, что она тоже слушает. В ярком описании Ричарда наши враги представляли как живые.

– Каждый мамлюк является одновременно пастухом, конюхом, объездчиком, лошадиным барышником, кузнецом и наездником, – продолжил король. – Он может ехать сутками напролет, спит в седле и меняет коней на скаку. За время своей жизни он проводит больше времени разъезжая верхом на лошади, чем ходя ногами по земле. Вот с такими людьми предстоит нам сразиться в Утремере.

– Откуда вам это известно, сир? – спросил я, побуждаемый любопытством.

– Человек по имени аль-Джахиз написал об этом сотни лет назад. Арабского я не знаю, но эти слова были переведены, – ответил Ричард. Король и полководец, он был также заядлым читателем.

– Нашей атаки им наверняка не выдержать, сир, – сказал я.

Удар плотного строя рыцарской конницы был событием ужасным, потрясающим. Мне довелось наблюдать его лишь однажды, под Шатору, но воспоминания несколько не померкли. Недаром никто не смеялся над поговоркой, гласившей, что франкский рыцарь способен пробить дыру в самих иерихонских стенах.

Многие громко согласились со мной.

– Верно, но слепни роем разлетаются от руки, пытающейся их прихлопнуть, – ответил король. – Вот только через мгновение набрасываются снова, кусая и жала. Мамлюки умеют стрелять, даже когда убегают. Стрелы их не способны пронзить наши доспехи, зато они будут поражать наших коней. А спешенный рыцарь, вдали от своих, становится легкой добычей.

– Как же нам лучше всего бить их, сир? – спросил де Шовиньи.

Ричард повернулся и понял, что все ловят его слова. Он усмехнулся:

– При помощи повиновения и порядка.

Мы недоуменно уставились на него, а он улыбнулся еще шире:

– Со временем все поймете, мессиры. А пока учитесь стрелять.

Король и Филип расположились рядом со мной, а мы снова начали пускать стрелы в цель. Мастерство Риса бросалось в глаза, и король похвалил его.

Улыбаясь до ушей, как бывало всегда, стоило Ричарду его отметить, Рис набрался храбрости задать вопрос.

– А эти мамлюки, – произнесенное им с валлийским выговором иноземное слово прозвучало еще причудливее, – они и впрямь такие опасные, сир?

Я заметил, как на многих лицах вскинулись брови и искривились губы: чтобы задать такой вопрос королю, требовалась смелость. Но Ричард всегда ценил людей по достоинству, и Рис ему нравился.

– Воистину непросто поверить, парень, что такие легковооруженные воины могут оказаться столь смертоносными. Я и сам поначалу настороженно отнесся к аль-Джахизу – мало ли писателей, склонных приврать? – но подумал о завоеванных сарацинами странах. Это не только Святая земля, – сказал король и передал арбалет Филипу, чтобы освободить руки. – За минувшие пять веков они захватили Египет, Сирию и Утремер, глубоко проникли в восточные пустыни. Земли турок подпали под их власть, сам Константинополь под угрозой. Войска, покорившие эти обширные пространства, размером с Европу, состояли не из рыцарей, а из мамлюков.

Рис нахмурился и послал стрелу в цель.

– Сумеет ли мы тогда победить, сир? – не удержался я. – Можно ли побить этих мамлюков?

– Бог милостив, побьем. Как я сказал, при помощи повиновения и порядка. А еще нам потребуются отважные сердца и продуманные замыслы, – сказал Ричард, наводя арбалет. Его стрела вонзилась совсем рядом с той, что послал Рис, – было невозможно отделить одну от другой. Король с размаху хлопнул Риса по плечу. – Что скажете на это, мастер оруженосец?

– Сир. – Не добавив к этому ни слова, Рис взвел тетиву, наложил стрелу и выпустил ее. Раздался металлический звон: стрела ударилась о две предыдущие и погрузилась в солому. Рис посмотрел на Ричарда и усмехнулся. – Ваш черед, сир.

Глаза короля блеснули. Он взял у Филипа стрелу, прицелился и почти сразу нажал на спусковой рычаг. Дзынь! Скопление наполовину спрятанных в соломе стрел снова вздрогнуло. Невероятно, но он тоже попал в них.

– Великолепный выстрел, сир.

Это был Фиц-Алдельм.

Не обращая внимания на врага, я многозначительно посмотрел на Риса. Тот, ясное дело, уже перезаряжал. Не будучи в силах ничего сказать в присутствии остальных, я выругался про себя. Ричард пока наслаждался состязанием, но, если бы Рис выиграл, неистовый нрав короля мог бы взять свое. Ричард ни в чем не любил проигрывать.

Рис положил еще одну стрелу рядом с остальными.

Ричард сделал то же самое.

Я скрежетал зубами, пока они перезаряжали, и снова попытался привлечь внимание Риса. Безуспешно. Парень вскинул арбалет. Я выждал, когда его палец на рычаге побелеет от усилия.

– Рис! – крикнул я.

Мой расчет оказался идеальным. Стрела прошла совсем мимо мишени, ударившись о каменную стенку позади нее. Валлиец ожег меня сердитым взглядом.

– Нехорошо ты поступил, Руфус. – В тоне Ричарда слышалось осуждение. – Можно подумать, будто ты решил, что он способен меня побить.

– Я всего лишь проверял его собранность, сир, – солгал я. – Во время битвы будет многое отвлекать, крики и возгласы например.

– Сдается, цель была другой, но я сделаю вид, что поверил, – сухо заметил король. – Ты обязан поступить со мной так же, как со своим оруженосцем. Не при этом выстреле, ведь сейчас я буду готов, но при одном из следующих.

Он навел арбалет на мишень.

Я немного успокоился. Ричард был так уверен в своем мастерстве, что не допускал даже мысли проиграть Рису. Я посмотрел на парня и прошептал одними губами: «Ты должен промахнуться!»

Тот заметил мое волнение, и до него начало доходить. Но в лице его по-прежнему читалось выражение ослиного упрямства. Мне не верилось, что он способен намеренно выстрелить мимо цели. Вот ведь загвоздка: толкнешь оруженосца как бы невзначай, плечом – прогневаешь Ричарда, не сделаешь ничего – накал соревнования возрастет. Я не знал, как поступить.

Королевская стрела ушла немного левее центра мишени. У Ричарда вырвался возглас досады:

– Ну давай, юный Рис. Пользуйся.

К великому моему облегчению, во двор вышел Джон и громко потребовал встречи с королем. Голова Ричарда повернулась. Прекратив стрелять, люди стали перешептываться. Граф Мортенский нечасто вот так, при всех, искал общества венценосного брата. Этот пришел не для того, чтобы оттачивать мастерство обращения с арбалетом, подумал я. Джон не разделял увлечений Ричарда – войны и оружия.

– Где ты, брат? – воззвал Джон, настойчиво и уверенно. С тех пор как Ричард частично снял с него запрет на въезд в Англию – в основном благодаря Алиеноре, – принц вел себя так, будто сам был волен решать, как ему поступать. На деле же решение, впускать или не впускать его в Англию, теперь принимал Уильям Лоншан.

Ричард мигом спрятался за непроницаемой маской.

– В другой раз продолжим, – бросил он Рису, который низко поклонился и отошел. – Джонни! Ты пришел состязаться со мной в стрельбе?

Принц что-то буркнул. Ричард рассмеялся, они завели беседу. Соревнование закончено, решил я. Я открыл уже рот, чтобы выговорить Рису за неосторожное поведение, и сделал шаг по направлению к нему.

Щелчка я почти не слышал, но казалось, какой-то великан огрел меня по затылку. Колени мои подкосились, я пошатнулся и не упал только потому, что Рис подхватил меня. Перед глазами все поплыло, голова закружилась как волчок. Я смотрел на Риса. Лицо его перекошилось от ярости.

– Фиц-Алдельм, собака! – крикнул он.

– Господи прости, это была случайность!

Снова почувствовав под собой ноги, я встал тверже. Задняя часть головы саднила, как если бы сотня пчел одновременно укусила меня там. Я пощупал болезненное место и, отняв руку, увидел, что пальцы в крови. Отказываясь до конца поверить в случившееся, я перевел взгляд.

Фиц-Алдельм стоял шагах в десяти, арбалет плясал у него в руках. Он снова принялся громко и убедительно заявлять, что просто возился с тугим спусковым рычагом и не смотрел, куда направлено оружие.

– Прошу прощения, сэръ, – с мольбой обратился он ко мне. – Это полностью моя вина.

Наши взгляды встретились. Он снова попытался меня убить, причем на глазах у половины двора. Я это знал. Он знал, что я знаю. Дернувшиеся губы сообщили мне, чего ожидать в следующий раз. Когда зрение прояснилось, я стал всматриваться в лица стоявших вокруг меня, надеясь, даже молясь, чтобы кто-нибудь оказался свидетелем злонамеренного поступка Фиц-Алдельма. Напрасно. Все выглядели потрясенными и озабоченными, но не более того. Алиеноры в окне больше не было, а вот Беатриса стояла там. Мне на миг стало теплее от ее встревоженного вида.

– Ты ранен? – спросил Фиц-Алдельм.

Я снова ощупал рану у края волос. Дюйма три в длину, она была неглубокой, но спасло меня чудо. Не сделай я шаг к Рису, лежал бы на мощеном дворе, хрипя и теряя последние капли жизни вместе с кровью.

Меня обуяла ледяная ярость при мысли о том, что Фиц-Алдельм действовал так хладнокровно. Меня так и подмывало вскинуть арбалет, спустить рычаг и превратить лицо врага в кровавое месиво. Соблазнительная мысль – но застрелить его вот так означало клеймить себя как убийцу. Кроме нас с Рисом, никто не подозревал, что Фиц-Алдельм намеренно пытался убить меня. Как и о том, что он уже пробовал совершить это прежде, под Шатору.

Поэтому я изобразил улыбку.

– Пустяки, – сказал я. – Новички нередко делают подобные ошибки.

Такая снисходительность заставила взгляд Фиц-Алдельма вспыхнуть, но он, подобно мне, был связан обстоятельствами, поэтому только пробормотал что-то про необходимость больше упражняться.

Привлеченный суматохой, подошел Ричард. Я позволил Фиц-Алдельму дать объяснения случившемуся.

– Ты поосторожнее, Роберт! – раздраженно бросил ему король. – Рыцари вроде Руфуса на деревьях не растут. Не знай я тебя лучше, заподозрил бы в тебе ассасина, засланного к нам Саладином, чтобы лишить меня одного из лучших воинов!

Все рассмеялись, даже я: сам того не зная, Ричард отчасти оказался прав. В Шиноне, разумеется, не было коварных убийц с расположенных к востоку от Утремера гор, но Фиц-Алдельм на самом деле пытался меня убить. Я порывался сказать об этом Ричарду, но решил промолчать. Даже если прибавить показания Риса, мои обвинения будут выглядеть безосновательными и лживыми. Чтобы разоблачить Фиц-Алдельма, требовались неопровержимые доказательства.

Рис, кипя от гнева, повел меня к лекарю.

– Я сам его убью, – прошептал он мне, как только мы отделились от толпы. – Бог свидетель, я сегодня же ночью переверну ему глотку.

Я схватил его за запястье. Он сердито посмотрел на меня.

– Ничего подобного ты не сделаешь, – сказал я тихо, но твердо.

– Но он пытался убить вас! Снова!

– Верно, пытался. И если ты его прикончишь, на кого подумают?

Он раздраженно фыркнул.

– Ну почему мы вечно ничего не делаем? Может, вам проще подойти к нему и дать себя зарезать?

– Ты злишься, Рис. И я тоже, поверь. Ему это не сойдет с рук, клянусь.

– Когда мы перейдем к делу?

– Я хочу сразиться с ним в поединке.

Рис посмотрел на меня как на придурка:

– С какой стати достаивать этого мерзавца подобной чести? Он-то вам никакого почета не выказывает.

– Ты знаешь почему. – Я помялся и добавил: – Саутгемптон.

– В таком случае позвольте мне сделать это, – взмолился Рис. – Ничто не доставит мне большего удовольствия.

– Смертный счет к нему у меня, а не у тебя. Тебя он пару раз стукнул и оскорбил на словах, но на этом все. А вот у нас с ним все тянется дольше.

Признав мою правоту, Рис сдался и погрузился в угрюмое молчание. Мое настроение было не лучше. Я завел речь о поединке, но король косо смотрел на схватки между рыцарями своего двора. Если бы я убил Фиц-Алдельма в единоборстве, мое положение, достигнутое с таким трудом, оказалось бы под угрозой, а я не собирался пренебрегать им. Убийство оставалось единственной открытой для меня дверью, но у нее витала тень злополучного Генри. Я не готов был сделать этот шаг.

Настроение мое еще более ухудшилось позже, во время последнего совета, собранного Ричардом перед отправкой. Он словно угадал мое желание навредить Фиц-Алдельму.

– Любой, кто убьет человека на пути в Утремер, – объявил король, – будет привязан к покойнику и, если это случится в море, брошен за борт. Если на суше, их погребут вместе. Если достойные доверия свидетели покажут, что некий человек обнажил против другого нож или ударил его и пустил кровь, ему отсекут руку.

Ричард продолжил оглашать список наказаний за прочие преступления, а я посмотрел на Риса, стоявшего позади меня.

– Не стоит он ни одного из этих наказаний, – прошептал я.

Рис мрачно кивнул.

Как ни странно, я до некоторой степени испытал облегчение. Генри уже не давал мне спать по ночам. Нередко я просыпался в поту, а перед глазами стоял он в последние секунды, умолявший нас подумать о его жене и ребенке; я же лишал его жизни самым жестоким образом.

Как ни сильна была моя ненависть к Фиц-Алдельму, я не хотел, чтобы он присоединился к Генри в моих жутких видениях.

Утро того дня, когда мы выступили к Везле, выдалось погожим. Рассветное небо над Шиноном было лазурно-голубым. В воздухе, прохладном, но обещавшем тепло, был разлит запах свежескошенного сена с лугов за рекой. Два петуха перекрикивались друг с другом на близлежащей ферме. Не каждый день король выступает в поход в Утремер, поэтому все обитатели замка высыпали проводить нас. Рабочие и конюхи в поношенных, перепачканных туниках. Повара и мясники. Плотники, каменщики, подмастерья. Торговцы, бочары и изготовители луков. Прачки с красными руками. Служанки в лучших своих нарядах.

Были тут курносые младенцы на руках у матерей и мальчишки с мечами, сделанными из палок. Я видел писцов с чернильными пальцами и группу монахов с тонзурами на макушках. Сенешаль стоял в окружении подручных. Солдаты гарнизона, жандармы и рыцари построились у ворот и выше их, на укреплениях. На лицах отражались сожаление – «нас не взяли» – и облегчение при мысли о том, что этим людям нет нужды, как нам, совершать полное опасностей путешествие.

Богато одетая Алиенора стояла вместе с Джоном в дверях большого зала, придворные дамы толпились вокруг госпожи. Многие плакали, потому что их мужья или поклонники были в числе уходящих. Беатриса отсутствовала, и это кольнуло мою совесть, ведь я не зашел попрощаться с ней. Поступить так было трусливо, признаю, но проще. Я надеялся, что если она еще питает ко мне какие-либо чувства, то со временем они развеются. Лицо Джона было бесстрастным. Минутой раньше он пожелал Ричарду доброго пути с холодным уважением, не выдававшим ни намека на его истинные чувства. Король, со своей стороны, держался строго, посоветовав брату исполнять свой долг и оберегать королевство до его возвращения.

Я и другие рыцари двора ждали, когда Ричард переговорит с матерью. Это была не первая их встреча в этот день. Ранее он уединился с ней, а я нес караул у дверей. Король вышел покрасневший, со следами слез на глазах – я старался делать вид, что не замечаю. Из покоев Алиеноры доносился тихий плач. Теперь, час спустя, оба целиком овладели собой.

– Да благословит тебя Господь, – сказала Алиенора.

Ричард опустил голову:

– И тебя, мама.

– Скоро мы увидимся вновь. В Мессине.

Я посмотрел на королеву с еще большим, чем прежде, уважением. Она исполнила просьбу Ричарда, согласившись проводить дочь короля Санчо, Беренгарию, из Наварры на Сицилию. Довольно долгое путешествие, а государыне было уже под семьдесят. Да, Алиеноре довелось побывать даже в Утремере, но за сорок с лишним лет до того, в ее бытность молодой женщиной. Но Алиенора не пугалась тягот и, видимо, радовалась тому, что ей предстояло. Если бы все воины Ричарда обладали такой силой духа, подумал я, Иерусалим пал бы за считанные дни.

– В Мессине, мама. Я буду считать дни до встречи.

Склонившись, Ричард взял ее руку и поцеловал.

Они обменялись короткими взглядами, после чего он направился к своей походной лошади, которую держал Филип. На Джона король не посмотрел.

А вот я посмотрел, искоса, и пожалел об этом. Хотя пухлое лицо хранило невозмутимое выражение, глаза, это зеркало души, были холодными и черными, как у змеи. Если он и питал родственную привязанность к брату, то она была закопана глубже любого покойника. Скорее всего, мелькнула у меня мысль, в душе он радуется отъезду Ричарда.

Рис, стоя у головы моего коня, тоже наблюдал за происходящим.

– Кот за порог, мышцы в пляс, – сказал он, пока я готовился сесть в седло.

– Надеюсь, ты ошибаешься, – ответил я, поглаживая ронси⁶ по шее. – Не только ради короля, но и ради нас с тобой. Джон мне не друг.

– И мне тоже.

Взгляд Риса был прямым и суровым, как перед боем. Он взобрался на своего коня, который нетерпеливо переступал, постукивая копытом по мостовой.

Как и Филипп, Рис не имел личных причин не любить графа Мортенского, но преданность много значила для него.

– Хорошо, что ты со мной, – сказал я. – Ты для меня как младший брат.

– А вы, сэр, как старший брат, которого у меня никогда не было.

Рис редко был подвержен движениям чувств, но в тот миг у него перехватило голос.

– Тогда мы, как братья, пойдем на войну.

Он ответил мне воинственной и благодарной улыбкой.

Ричард вскинул руку, приветствуя Алиенору, та в свой черед кивнула. Король и Джон обменялись взглядами, но не произнесли ни слова. Затем, издав громогласный клич «В Везле!», государь поскакал к воротам.

Мы последовали за ним.

По коже у меня побежали мурашки – так бывало, когда кто-то смотрел на меня. Я обернулся через плечо и напрягся, подумав, что взгляд Джона направлен в мою сторону. Но потом понял, что внимание его приковано к кому-то, находящемуся немного позади от меня.

– Где Фиц-Алдельм? – вполголоса спросил я у Риса.

Ему со своего места было видно лучше.

– В двух рядах позади нас.

– Что он делает?

– Смотрит назад, на королеву. – Рис помедлил. – Или на Джона. Точно не скажу.

Смотрел он на младшего брата короля – это я нутром чувствовал. Нахлынули воспоминания. Фиц-Алдельм выходит из инfirmария⁷ в Бонмулене, за ним, немного погодя, появляется Джон. В течение месяцев, предшествовавших коронации Ричарда, я несколько раз замечал этих двоих, погруженных в беседу. Потом их встреча в винном погребе в Нонанкуре. Я выругал себя. Поглощенный своими обязанностями на службе у короля, я не придал всем этим случаям должного значения, к тому же между ними проходили месяцы.

Теперь все стало ясным как день. Джон и Фиц-Алдельм находятся в сговоре. Я готов был побиться об заклад на свою душу, что это так. Но без доказательств, раздобыть которые вряд ли бы удалось, я не мог ничего поделать.

Ничего. Только наблюдать. Ждать.

И держать меч наточенным.

Наш лагерь в Везле был обширным, рядом с сотнями его шатров стан французов выглядел не таким уж впечатляющим. Мы прибыли второго июля, а многие вассалы Филиппа отправились в Утремер еще до того. Оба короля встретились в отличном настроении, обменялись поцелуем мира и с воодушевлением стали обсуждать поход против Саладина. Они вновь поклялись оставаться союзниками и договорились, что будут делить поровну все совместные приобретения. Эту последнюю подробность мне еще предстояло припомнить. Еще сошлись на том, что прибывший в Мессину первым дождетс там второго.

– Не выглядит он как король, – заметил негромко Рис. – Скорее, на крестьянина похож.

⁶ *Ронси* – так называли небольших, но выносливых коней, применявшихся в основном для походов и повседневных поездок.

⁷ *Инfirmарий* – лечебница в монастыре.

Мы, наряду с прочими членами двора, французскими рыцарями и знатью, наблюдали за переговорами между Ричардом и Филиппом.

Я с трудом сдержал смех. Рису сложно было возразить: красавцем Филипп не был. Правильно сложенный, но ничем не выдающийся мужчина, он обладал копной каштановых, вечно всклокоченных волос. Он был также слеп на один глаз, а его одежда, хотя и богатого кроя, вечно была мятой и заляпанной.

– Внешность обманчива, Рис, – сказал я. – Такого прохвоста ты в жизни не встречал.

– Ему верить нельзя, – подтвердил де Дрюн, подходя ко мне.

– Где ты был? – спросил я.

– То тут, то там, – сказал де Дрюн, подмигнув мне.

– Так где? – напирал я.

– Считал шатры французов. Пил вино с их арбалетчиками. Беседовал. – Де Дрюн выглядел довольным собой. – Даже если добавить уже выступивших солдат, войско Филиппа мало-численно в сравнении с нашим. Сколько у нас воинов, тысяч десять?

– Около того.

– У Филиппа меньше половины от этого числа.

– Уверен?

Мы сами подозревали нечто подобное, но было приятно получить подтверждение нашей догадки.

– Я бы поклялся честью жены, если бы был женат.

Я закатил глаза.

– Какую бы пакость ни замышлял Филипп, хотя бы силой оружия ему с нами не совладать, – сказал я.

– Но до этого ведь не дойдет, правда? – спросил Рис. – Мы же вместе идем освобождать Иерусалим.

Я улыбнулся. В чем-то Рис оставался ребенком.

– В Утремере он едва ли прибегнет к насилию, это правда. Но Филиппу всегда хочется взять верх над Ричардом, во многом из-за того случая с его сестрой Алисой.

Мне было любопытно, когда же король решится затронуть этот скользкий вопрос.

Де Дрюн протянул мне баклагу. Я засомневался, но, увидев, что представители обеих сторон пьют и смеются вместе, отбросил колебания и сделал глоток.

Простояв два дня под Везле, объединенные силы Ричарда и Филиппа выступили в поход, миновав по пути на юг Корбиньи, Мулен и Бельвиль-сюр-Сон. Путешествие было приятное: благодаря облакам, закрывавшим по временам солнце, зной оставался умеренным. Налетавший временами дождь не охлаждал нашего пыла. Еще одной причиной радоваться жизни, а заодно не быть постоянно начеку, было отсутствие Фиц-Алдельма. Умелый добытчик припасов, он был отряжен разыскивать провизию для людей и фураж для лошадей.

В Лионе, где через полноводную Рону был переброшен мост, я снова увидел своего недруга, скакавшего во главе вереницы повозок. Рядом с его конем бежал маленький пятнистый терьер, прыгавший за подачками, которые бросал хозяин. Занятый забавой, Фиц-Алдельм не заметил меня. Если повезет, подумалось мне, мы больше не встретимся до конца дня. Однако, выполнив поручение, рыцарь должен будет вернуться ко двору, и наша яростная вражда возобновится.

Переправу через Рону омрачило горестное событие: часть моста обрушилась под весом людей и лошадей. Милостью Божьей, утонули только два человека. К моей досаде, Фиц-Алдельма среди них не было. Я спас из воды здоровяка-рыцаря из Ромфорда – славного малого по имени Ричард Торн. Несколько коней выбыло из строя, переломав ноги, но главной неприятностью оказалась задержка в походе. Сколько-то англичан и французов успели переправиться,

но тысячи воинов застряли на том берегу. Река шириной в четыре сотни шагов выглядела непреодолимой пропастью, во много раз более глубокой.

Филипп был сокрушен и подавлен, зато Ричарда вызов не устроил. Он приказал искать лодки в окрестностях, а также валить деревья и строить суда. На следующий день, еще до заката, у нас их было больше сотни. Наутро король взял руководство на себя. Повинуясь его указаниям, самые большие лодки выплывали одна за другой на стремнину и, встав примерно в десяти шагах друг от друга, бросали якорь. Якорями служили тяжелые валуны и плетеные корзины, набитые камнями. Не обходилось без происшествий: люди падали за борт, корзины рассыпались, лодки порой переворачивались, однако работа шла своим чередом. К исходу дня через Рону протянулась более или менее ровная линия судов, удерживаемых на месте якорями.

Наши плотники тоже не сидели без дела. Они распускали свежесрубленные деревья на доски, которые затем перекидывали с лодки на лодку и соединяли веревками. Перил не было, настил покачивался из-за течения, и все же получилась дорога. Осторожно, ведя коней в поводу, первые воины переправились через реку еще до захода солнца.

Наблюдая за этим из своего шатра, Ричард улыбался от уха до уха.

– Поутру перейдут остальные, Руфус, – сказал он. – Мы потеряли три дня, только и всего.

Это выглядело не такой уж страшной задержкой. Мы могли отплыть не далее как через две недели. Пока все шло так, как было задумано.

Часть II. Сентябрь 1190 года – июнь 1191 года

Глава 4

Южная Италия, сентябрь 1190 года

Я сделал глубокий вдох, наслаждаясь прохладным осенним воздухом. Я скакал по густо поросшим лесом горам в обществе одного только Ричарда. Лежащие в девяти днях пути к югу от Салерно, эти горы, прекрасные, суровые и пустынные, где-то крутые, а где-то пологие, были скудно заселены. Расставшись рано поутру с нашими спутниками, мы успели заметить следы оленя и вепря – и даже отпечатки медвежьих лап. Не раз в просветах между деревьями я видел парившего в небе сокола. Нетерпение, сжигавшее меня с начала июля, со времени отплытия из Марселя, рассеивалось с каждым часом. Из этого порта к Святой земле отправилась половина войска под началом архиепископа Балдуина Кентерберийского, а нам выпал изнурительный поход по Итальянскому полуострову. Но вот мы приближались к Сицилии, этому важнейшему рубежу. Мое лицо то согревали лучи солнца, то охлаждала тень деревьев; я неспешно ехал рядом с королем и не просил о большем. Позади наших седел были приторочены одеяла и мешки с припасами, у меня имелась также небольшая палатка на случай, если мы не найдем пристанища на ночь. Разбойники в здешних краях встречались редко, а у нас были при себе шлемы, мечи и щиты.

Путешествие до Баньяры должно было занять два дня, там нам предстояло встретить флот и сесть на корабль. Филипп Капет уже приплыл в Мессину, переиграв нас в гонке с ним вдоль побережья. Сестра Ричарда Джоанна тоже была на Сицилии. Король не раз мне говорил, что они с Джоанной не виделись четырнадцать с лишним лет.

Я украдкой посмотрел на него. Мне больно было видеть мешки под глазами, отмечать про себя, как он похудел во время недавней болезни – приступа четырехдневной лихорадки. На щеках государя, однако, играл румянец, а во взгляде появилась прежняя искра.

Он перехватил мой взгляд.

– Сегодня счастливый день, Руфус! – воскликнул Ричард. – Нас ждет Сицилия. И Джоанна.

– Ваша сестра замужем за королем Вильгельмом Сицилийским, сир?

– Была. Он умер за несколько месяцев до нашего отплытия.

Мне вспомнилось, как опечалила Ричарда эта весть, по непонятной причине достигшая его только в Марселе.

– К сожалению, у Вильгельма и Джоанны не было детей. Старшая в роду – его тетя Констанция, но сицилийцы не хотят видеть ее на троне. Она замужем за Генрихом Гогенштауфеном, сыном и наследником германского императора Фридриха Барбароссы – человеком, которого на острове не сильно жалуют. Да Констанция и не может принять власть, ведь она живет в Германии.

– Получается, сир, что после смерти Вильгельма трон стал легкой добычей?

– Вот именно. Как я понимаю, кузен Вильгельма, Танкред из Лечче, воспользовался случаем несколько недель назад. Карлик, рожденный вне брака, уродец каких мало, он тем не менее – нынешний король Сицилии. Говорят, он напоминает обезьяну с короной на голове.

– Тревожит то, сир, что все это время от вашей сестры нет известий.

По лицу Ричарда заходили желваки.

– Ручаюсь, что Танкред держит ее в заточении.

– Значит, наш долг – освободить ее, сир! – вскричал я.

– Воистину так. – Мрачная улыбка. – Не хотел бы я оказаться на месте этой мартышки Танкреда, если с головы Джоанны упал хоть один волос.

– Насколько сильное у него войско, сир?

– Послабее моего, это уж точно, но у Танкреда могут найтись союзники. Бьюсь об заклад, что прямо в эту минуту он льет мед в уши Филиппу. Нас ждут неприятности.

Предсказание звучало очень правдоподобно. Французский король, любитель строить козни и хитроумные планы, наверняка захотел бы извлечь выгоду из вражды между Ричардом и Танкредом, а последнему годилась любая помощь.

– Не разумно ли в таком случае ускорить путешествие, сир?

– Сегодня и завтра – последние свободные деньки, которые у меня выдались больше чем за месяц, Фердия. Два дня мало что значат. Как только будут улажены дела на Сицилии, мне предстоит жениться. Потом нас ожидают плавание в Утремер и осада Акры. Война встретит нас почти в тот же миг, как мы сойдем на берег. А закончится не ранее, чем мы, с Божьей помощью, возьмем Иерусалим. Теперь тебе понятны причины моих поступков?

– Да, сир.

Это еще не все, подумал я, скользнув взглядом по алым пятнам на его щеках. Помимо всего, король собирается с силами перед столкновением с Танкредом.

Утро мы провели в приятном настроении: обменивались охотничьими историями, воспоминаниями о битвах и веселыми шутками. Я не удержался – рассказал ему о Беатрисе и о том, как порвал с ней.

Он заметил, что я поступил правильно.

– На войне нет места для женщин. Они отвлекают, Фердия.

Становится отчасти понятно, почему Ричард не заводит любовниц, подумал я. После Марсея их было несколько, по большей части – дочери землевладельцев, у которых мы останавливались. Но после Пизы – ни одной. Приняв решение, он не отступал от него.

– После свадьбы ваша молодая королева поедет в Аквитанию или в Турень, сир? – спросил я.

– Я предпочел бы такой расклад, однако Беренгария будет сопровождать меня в Утремер. – Взрыв горького смеха. – Зачатие наследника – дело государственной важности, а оно едва ли выполнимо, если супруга будет находиться в Шиноне, а я под Акрой.

Я задумался над тем, насколько удачным может получиться их брак. Целью союза явно были дети, но без семейного счастья жизнь обернется разочарованием. А может, и нет, мелькнула у меня мысль. По крайней мере, для Ричарда. Я вспомнил о свирепой радости, что отражалась у него на лице во время битвы, и решил, что вот она, его настоящая страсть. Никакая любовь к женщине не сравнится с ней.

– Я проголодался, – объявил король. – Чувствуешь запах хлеба?

– Да, сир.

У меня самого урчало в животе.

Мы покинули аббатство уже много часов назад и теперь въезжали в деревню. Маленькие дома, в одну комнату, с соломенной кровлей, разделялись полосами огородов. Слева от нас стояли по колено в речке женщины, отбивавшие одежду на камнях. На берегу девочка нянчила спеленатого младенца. От крыши кузницы в небо поднимался дымок. Куры копались в мусорной куче. Седобородый дед сидел у двери лачуги и смотрел на нас слезящимися глазами.

Проследовав по запаху к пекарне, уединенно стоявшему зданию, чуть больше остальных по размеру, мы натянули поводья. Зашел я, поскольку Ричард никогда не держал при себе денег, и купил пару еще теплых караваев. Выйдя, я обнаружил, что король внимательно глядит через улицу, если ее можно было назвать таковой.

– В чем дело, сир?

– Я слышал сокола вон в том доме.

Я недоуменно воззрился на него.

– Простолюдинам не полагается держать соколов – это привилегия знати, – пояснил король.

В Англии – допустим, подумал я. В Аквитании тоже. Но здесь-то Италия.

К моему удивлению, Ричард спрыгнул на землю и бросил мне поводья.

– Я скоро.

Отмахнувшись от моих возражений, он направился напрямиком в тот дом, откуда доносился пронзительный клекот, принадлежавший, как мне показалось, перепелятнику.

Сгорая от беспокойства, прижимая одной рукой к груди краюхи хлеба, а другой удерживая уздечку королевского коня – мой собственный стоял спокойно, – я не знал, что делать. Последовав за Ричардом, я рисковал не только навлечь на себя его гнев, но и лишиться лошадей. Недружелюбного вида юнцы у входа в пекарню ни за что не посмели бы напасть на меня, вооруженного мечом и щитом, зато могли увести пару отличных скакунов, если бы выпала возможность.

Решив выполнять приказ короля, я остался на месте, прислушиваясь по мере сил к тому, что происходит на другой стороне улицы. Аромат хлеба щекотал ноздри, превратив мой голод в дикого зверя, но, поскольку руки были заняты, я не мог даже откусить от каравая.

Один из юнцов направился ко мне и сказал что-то на неведомом местном наречии. Уверенный в его недобрых намерениях, я ответил суровым взглядом.

– Не говорю... по-итальянски, – произнес я, исчерпав весь свой запас слов этого языка.

Юнец ослабилась. Его оставшиеся зубы были наполовину гнилыми и черными. Он снова заговорил, и мне не понравилась задиристая нотка в его голосе.

– Ты меня понимаешь? – попробовал я снова, на этот раз по-французски.

Парень нахмурился, явно не разобрав ни слова. Он сказал что-то своим приятелям, те заготовали.

У меня побежали мурашки. Я хотел было положить руку на эфес, но сказал себе, что это чересчур. Просто крестьяне потешатся над чужаком. С другой стороны улицы донесся громкий, сердитый голос Ричарда. Мужчина заорал в ответ. Его поддержала женщина. Ричард рывкнул, сокол издал пронзительный крик.

Снова вопли. Я перестал занимать юнца, и он вместе с тремя приятелями пошел посмотреть, в чем дело. Я остался один, ощущая нарастающее беспокойство.

Я не мог стоять и ничего не делать. Вопреки возмущенно заурчавшему животу, я бросил каравай на землю и ухватил поводья своей лошади.

– Пойдемте, – сказал я, уводя обоих коней от пекарни.

Зайдя за угол дома, я увидел нечто невообразимое. К задней двери было пристроено небольшое дощатое крыльцо. Махая крыльями в попытке взлететь, удерживаемый привязанным к лапе ремнем, над ним бился великолепный перепелятник. Возмущенный Ричард стоял у крыльца, сжимая в руке обнаженный меч. Напротив него стояли невысокий, средних лет мужчина плотного сложения, видимо домовладелец, и женщина примерно такого же возраста со злобным лицом, явно его жена. Присутствовали также соседи или односельчане: перепачканный сажей мускулистый человек, по виду кузнец, нескладный юнец в кожаном фартуке – подмастерье, старуха в грязном платье и юнцы, что досаждали мне у пекарни.

Глядя на все это с разинутым ртом, я, признаюсь, не сразу понял, что происходит.

Ричард потянулся к соколу, тот уклонился от руки и клюнул его в запястье. Король выругался. Потом крикнул по-итальянски что-то вроде: «Я забираю эту птицу!»

Коренастый заорал в ответ – я не понял, что именно, – и шагнул вперед.

Ричард наставил на него меч. Мужчина остановился.

Рядом с головой государя пролетел камень.

Казалось, он послужил условным знаком. Воздух вдруг наполнился камнями. Юнцы раздобыли невесть откуда палки и стали наступать на Ричарда.

Заметив кольцо в стене – тогда мне подумалось, что его вделал туда сам Господь, – я привязал к нему поводья и, выхватив меч, кинулся в схватку, горлая во всю мочь.

Коренастый теперь держал нож, стараясь пырнуть им короля. Тот легко мог зарубить обидчика, но вместо этого ударил его клинком плашмя. Здоровяк рухнул без сознания, а меч Ричарда, пролетев дальше, ударился о стену, высек сноп искр и переломился. Ричард выругался и повернулся лицом к остальным нападающим, невзирая на град камней. Парни с палками двинулись вперед, хотя двое замыкающих, услышав мой крик, оборотились ко мне.

– Дезе! – взревел я, понимая, что чем громче буду орать, тем больше страха вселю в сердца крестьян. И повторил английский королевский боевой клич: – Дезе!⁸

Двое, что противостояли мне, обратились в бегство, и я дал им уйти.

Ричард попал одному из юнцов камнем в рот и разбил губу. Брызнула кровь, юнец взвыл и убежал. Король мощно замахнулся и метнул другой камень. Селяне попятились, за исключением жены коренастого. Заливаясь бранью, та молотила Ричарда костлявыми кулаками. Тот отпихнул ее. Закудахтав от злобы, она накинулась на него снова, на этот раз с трехногим стулом. Король вырвал стул и зашвырнул обратно в дом. Женщина побежала за ним, продолжая верещать на местном наречии.

Я занял место рядом с государем.

– Вы ранены, сир?

– Пострадала только моя честь.

Он обернулся и посмотрел на сокола, который то пытался взлететь, то садился на крыльцо.

Мимо моего уха просвистел камень. Я посмотрел. Юнцы отступили к небольшому навесу напротив дома. Подзадоривая друг друга, они двинулись вперед. Прилетел еще один камень. Я пригнулся. Видно было, как люди выглядывают из жилищ. Двое мужчин разговаривали у края огорода. С улицы доносились громкие голоса.

– Лучше нам убраться отсюда, сир, – сказал я.

Ричард посмотрел на сокола, потом на меня и выругался.

– Этой птице здесь не место, – заявил он.

– В Италии, сир, могут быть другие законы. Тот коренастый явно уверен, что вы пытаетесь украсть его имущество. Как и прочие здешние крестьяне.

Мы оба пригнулись, чтобы избежать нового града камней. Один из парней, как я заметил, вооружился пращей. Посланный ею снаряд способен убить.

– Разве можно допустить, чтобы вы погибли здесь, сир, так и не добравшись до Утремера? – сказал я. – Я настаиваю, чтобы мы уехали. Немедля.

Его ярко-синие глаза, способные вселить страх в большинство людей, впились в меня. Усилием воли мне удалось не отвести взгляд.

К моему удивлению, король хмыкнул:

– Ну ладно, Фердия из Кайрлинна. Будь по-твоему.

Камень стукнулся о мои ребра, пока мы бежали к коням. Слава богу, его пустили не из пращи, но все равно было больно – как после укуса шершня. Запрыгнув в седла, мы галопом помчались по улице, поднимая волну в виде рассерженных поселян. Я успел бросить тоскливый взгляд в сторону купленных мною караваев – их пожирала пара тощих пса, – и мы унеслись прочь.

⁸ «Dex aie!» (фр. «С нами Бог!») – боевой клич сначала нормандских герцогов, а затем английских королей.

Вслед нам летели гневные крики. Я обернулся. Злобная баба потрясала стулом вслед нам и горланила что-то нечленораздельное. Я не удержался и хмыкнул.

– Божьи ноги! – Воздух взорвался от громового хохота Ричарда.

Поток вырвался на волю. Нас охватила веселость, пришлось перевести коней на шаг. Мы смеялись, пока не заболели бока и из глаз не полились слезы. Стоило Ричарду сказать «карга с табуреткой», как я начинал стонать от хохота. А всякий раз, как я вспоминал про хлеб и пожирающих его псов, он заходился в приступе веселья.

Унялись мы, когда деревня давно уже скрылась из виду.

Раз за разом гудели трубы, издавая оглушительный рев, разносившийся далеко над водой. На это и был расчет. После случая с соколом прошло два дня. К югу от Баньяры, где мы с Ричардом присоединились к флоту, части нашей могучей армады заполнили Фаро, этот узкий пролив между Италией и островом Сицилия. Я находился вместе с королем на передовом корабле, самой крупной из галер, узком хищном звере с единственной мачтой и рядом весел. С каждой стороны от нас, на небольшом расстоянии, шло еще по дюжине судов, все ярко раскрашенные, с развешенными вдоль бортов блестящими щитами. Штандарты и вымпелы развевались на каждой мачте. За ними тянулись пузатые дромоны и десятки шмаков – грузовых кораблей.

Снова взревели трубы, передавая королевский приказ. Пенный бурун поднимался из-под носа нашего корабля, когда гребцы налегали на весла, толкая корабль к Мессине. Мы находились совсем близко, и Ричард хотел прибыть со всей пышностью. Было двадцать третье сентября лета Господа нашего 1190-го, мы приближались к первой важной стоянке на нашем пути. Мы ждали Алиенору с Беренгарией и, вероятно, должны были зимовать на Сицилии. Досадно, но ни король, ни кто-либо другой ничего не могли с этим поделать.

– Вот это отличный способ входить в город!

Рис стоял рядом со мной у поручней. Ему не очень-то нравилось плавать по морю, но спокойная погода и величественность процессии привели его в хорошее расположение духа.

Я обернулся, взглянул на наш флот и рассмеялся:

– Воистину так.

– Я слышал, что Филипп прибыл в Мессину только на одном корабле.

– И я это слышал.

– Но он ведь тоже король. Разве ему не нравится выглядеть по-королевски?

– Быть может, он не хотел затмевать Танкреда, только что вступившего на трон, – предположил я, повторив слова, слышанные от де Бетюна.

– Наш государь на этот счет не тревожится.

– Верно.

Мы оглядели сооруженный на носу помост, на котором стоял король. Облаченный с головы до пят в сверкающую кольчугу, с белым крестом на сюрко⁹, он держал красный треугольный щит с одиноким анжуйским львом. Золотой обруч стягивал гриву светлых рыжеватых волос. Истинный образец короля-воина.

А еще ему нет дела до того, что подумает Филипп, решил я. Вполне вероятно, что Ричард как раз собирался позлить французского короля, ведь тот был очевидцем нашего пышного входа в порт. Танкред, разумеется, услышит об этом, но он находится в Палермо.

По правде говоря, пышность и торжественность были делом рискованным, и трезвые головы вроде Андре де Шовиньи советовали завершить плавание более скромно. Нет нужды озлоблять Филиппа или местное население. Танкреду уже известно, что войско Ричарда превосходит числом его силы.

⁹ Сюрко – короткий плащ, надевавшийся поверх доспехов.

– К чему дергать его за усы, сир? – спрашивал де Шовиньи, выражая общую озабоченность.

Король не желал слушать.

Обычно я не осуждал Ричарда, но трудно было спорить с тем, что гордыня на время взяла в нем верх. Оставалось надеяться, что на Сицилии нам не предстоит об этом пожалеть.

Глава 5

Мессина, Сицилия

К наступлению ночи мы разместились в доме Рейнальда де Муэка, знатного ломбардца, как мы называли местных нормандцев. Он пришел на причал, чтобы встретить Ричарда. Его обиталище – просторное здание в пригороде Мессины, с мозаикой во внутреннем дворе, виноградными лозами и журчащими фонтанами, – было побогаче многих английских замков. Поверх стен я видел пальмы и церковь, оказавшуюся мечетью, что еще больше усилило ощущение пребывания в чужой стране.

Пригласив Ричарда погостить сколько пожелает, де Муэк посидел с нами за изысканным ужином и, тонко чувствуя обстановку, удалился. Под конец трапезы подали блюда с замороженными дынями, фигами и гранатами, окруженными засахаренным миндалем и фундуком.

Когда слуги убрали недоеденное лакомство со стола, оно попало к Рису. Будучи сладко-ежкой, тот решил, что умер и попал в рай. Мигом набив рот, он накладывал на тарелку до тех пор, пока с нее не посыпалось. Я с любопытством смотрел, как он идет вслед за темнокожими слугами по ведущему в кухню коридору. Странно было видеть сарацин в качестве прислуги, а не врагов, но на Сицилии это было в порядке вещей. Здесь сарацины жили бок о бок с ломбардцами и греками.

Ричард снял кольчугу. Облаченный, как и все мы, в тунику и шоссы, он восседал за столом, перед ним стоял кубок. Король был задумчив, уверенность и радушие сошли с его лица, когда он остался среди своих.

В их числе были я, де Бетюн, де Шовиньи, Фиц-Алдельм и горстка прочих приближенных рыцарей. Гарнье Наблусский, великий магистр ордена госпитальеров, сидел рядом с недавно назначенным великим магистром тамплиеров, Робером де Саблем. Гарнье был чуть менее хмурым, чем де Сабль, – самую малость. Их поведению, подумал я, не стоит удивляться. Эти люди посвятили свою жизнь не только Богу, но и войне, делу защиты христианской державы в Утремере.

Присутствовали также Вальтер, архиепископ Руанский, и Жерар, архиепископ Окса. Вальтер был круглым и розовощеким, как яблочко, но под этой добродушной наружностью скрывался острый ум. Жерар, тощий как жердь, был из тех аскетов, что не берут в рот вина. Эти люди были всецело преданы королю, чем и объяснялось их присутствие тут, тогда как остальные клирики уже вернулись в свои диоцезы.

Фиц-Алдельм жаловался де Шовиньи насчет своей комнаты, показавшейся ему недостаточно большой. Неприхотливый де Шовиньи, который вполне удовольствовался бы и ложем на полу, почти не отвечал ему. Тогда Фиц-Алдельм переключился на короля.

– Мне все-таки кажется неправильным, сир, – начал он, – что мы остановились тут, а Филипп живет припеваючи в городе, в королевском дворце.

– Не провались так позорно его попытка съехать из дворца, я бы сейчас поселился там, – ответил король с улыбкой.

Он имел в виду вздорное желание Филиппа отплыть в Утремер несколько минут спустя после встречи с Ричардом на пристани. По капризу судьбы, ветер переменился, едва корабли Филиппа вышли в море, и погнал их назад. Итогом стало бесславное возвращение в порт. Наши моряки изрядно позабавились, насмехаясь над французами и освистывая их, пока суда швартовались.

Ричард очень развеселился и крикнул Филиппу, что Бог не желает разлучать их. Французский король, не ответив, промчался по сходням. Мы тоже не стали медлить: местные

жители, сначала пораженные видом нашего флота, а затем высадкой могучих боевых коней, приуныли при виде многочисленных воинов, хлынувших с кораблей. Неудивительно: мы очень походили на захватчиков.

Я вновь устремил взгляд на стол. Фиц-Алдельм не унимался, как пес, вцепившийся в кость.

– И все же, сир, – говорил он, – какое право имел Филипп селиться во дворце, когда вам, нашему королю, негде жить?

– Он приехал первым.

Де Шовиньи, уверенный в своем положении и, возможно, недовольный истинной причиной жалоб Фиц-Алдельма, подмигнул Ричарду.

Все расхохотались, кроме Фиц-Алдельма.

– Ты прав, кузен, – сказал король. Потом повернулся к Фиц-Алдельму. – Твое возмущение понятно, Роберт. Но справедливо оно или нет, сейчас не важно. Требование съехать страшно оскорбит Филиппа, во многом из-за того, что он предлагал мне разместиться во дворце вместе с ним. – Он обвел рукой комнату. – Тебе не нравится в этом доме?

– Более чем достойное жилище, сир, – ответил Фиц-Алдельм, не решавшийся и дальше выражать недовольство.

– Хотел бы я знать, содержат ли мою сестру в такой роскоши, – пробормотал Ричард.

– Если только эта маргышка Танкред не полный идиот, сир, с Джоанной обращаются как подобает, – сказал Гарнье Наблусский.

– И он как можно скорее передаст ее вам, сир, – добавил я.

В послании короля, отправленном Танкреду в Палермо меньше чем через час после нашей высадки, четко излагались его требования. Джоанну следовало немедленно направить к брату, прибавив немалый выкуп, иначе Танкреду придется пожалеть. После высадки войска Ричард мог ничего больше не уточнять.

Король забарабанил пальцами по столу:

– Уж лучше бы он это сделал, не то, Богом клянусь, я своими руками снесу ему голову с плеч.

– Будем надеяться, что до этого не дойдет, сир, – сказал архиепископ Вальтер.

Ричард буркнул что-то, но слова свои назад не взял.

– Сир, вы поразмыслили о припасах, необходимых вашему войску? – спросил Вальтер.

– Местные торговцы недолго смогут удовлетворять наши нужды. Если придется задержаться, примем меры: наладим подвоз зерна и вина из имений и городов в глубине острова и так далее.

– Солдатня – народ грубый, склонный к пьянству и распутному поведению, – заметил архиепископ Жерар. – Местные христианки могут подвергнуться приставаниям на улицах.

– Если таковое случится, – сказал король, – то не столько из желания соблазнить женщин, сколько из намерения позлить их мужей.

Не обращая внимания на смешки и улыбки, архиепископ стоял на своем:

– Солдат в Мессине тысячи, сир, преступлений избежать невозможно.

Прелат говорил правду, и все это понимали.

– Отданы строгие приказы хранить мир. За любые преступления виновных ждет строгая кара, – сказал Ричард. – Больше я ничего не могу сделать, разве что посадить своих воинов в клетки.

Жерар кивнул.

– Мы будем побуждать всех ежедневно посещать мессы, – сказал он.

Представив себе, с каким ехидством к этому отнесется де Дрюн, я припал к кубку, пряча усмешку. Я подозревал, что, подобно большинству воинов, он сейчас пьян в стельку и это будет

повторяться каждую ночь, пока у него не кончатся монеты. Каждое утро я буду видеть его не в церкви, а на набитом соломой тюфяке.

Я и сам надеялся поскорее предаться увеселениям. Ричард каждую свободную минуту занимался делами государственной важности, встречаясь с Филиппом, Танкредом и так далее; если повезет, мое присутствие не потребуется. Предложение де Дрюна найти лучший кабак в Мессине и выпить все его запасы досуха действительно выглядело заманчивым. Риса не бро- сишь, а если мне удастся освободить Филипа от его обязанностей, то и ему достанется развле- чений. Еще нужно послать весточку Ричарду Торну – с того дня, как он едва не утонул в Роне, мы сделались закадычными друзьями.

Случай представился не сразу. После нашего прибытия в Мессину король два дня дер- жал совет с Филиппом. Требовалось соблюдать приличия, поэтому Ричард взял себе в охран- ники лучших своих рыцарей. Де Дрюн вместе с ликующим Рисом, которому я дал разрешение, отправились пьянствовать, а я состоял при короле. Встречи были, слава богу, довольно корот- кими, но неприятными и раздражающими – Филипп часто отпускал в адрес Ричарда едкие реплики. Король не оставался в долгу. Все это не сулило ничего хорошего для нас, когда мы окажемся в Утремере.

Такое поведение было не свойственно для короля: если обстоятельства требовали того, он был сама выдержанность. Как он сам признал, срыв случился из-за невозможности согла- совать день отплытия. Филипп ловко воспользовался этой медлительностью, обвиняя Ричарда в утрате рвения. Государь не мог толком возразить, ибо ждал приезда в Мессину Беренгари и королевы Алиеноры – о чем французский король по-прежнему не догадывался. После такого крутого поворота пришлось бы все улаживать заново, хотя никто не представлял толком, как именно.

Утром пятого дня, двадцать восьмого сентября, пришла весть, что корабль с сестрой короля Джоанной вот-вот войдет в гавань. Настроение Ричарда совершенно переменялось. Улыбаясь во весь рот, он опрометью выскочил из-за стола с завтраком. Ухватив напоследок марципановое пирожное, я помчался за ним вдогонку. Во дворе меня задержала порвавшаяся уздечка, и я послал Риса за другой. Ричард же не собирался никого ждать. Он крикнул, что после четырнадцати лет не потерпит и минуты промедления, и поскакал с де Бетюном, де Шовиньи и другими рыцарями. Фиц-Алдельм, разрази его гром, был в их числе.

Я нетерпеливо приплясывал, дожидаясь, когда вернется Рис. Мое желание увидеть Джо- анну было безмерным. Вдова всего двадцати четырех лет от роду, она, как все говорили, отли- чалась редкой красотой.

– Готово, сэръ. – Бледное лицо Риса покрывали капельки пота, но он широко улыбался. – Взял уздечку взаймы у Усамы.

Он свел знакомство с одним из конюхов, дружелюбным сарацином, немного говорившим по-латыни и по-французски.

– Ну так поехали скорее, – поторопил его я, взлетая в седло. – Король, как пить дать, уже на полпути к порту.

Мы миновали главные ворота и переулок, выходящий на одну из основных улиц города. Я уже неплохо изучил Мессину, – по крайней мере, так мне казалось. Превращенная в цер- ковь мечеть, которую я заприметил в первый день, стояла недалеко от нашего местопребыва- ния. Рядом помещался небольшой бенедиктинский монастырь. Напротив церкви раскинулись богатые усадьбы со дворами, подобные обители де Муэка. Мимо прогрохотала повозка, груженная досками. Добравшись до перекрестка, я увидел двух женщин, выходящих из дома, с покрытыми лицами. Я подумал, что здесь трудно отличить христианок от сарацинок. Лом- бардцы многое переняли у сарацин, правивших Сицилией перед нормандцами, которые вторг- лись на остров за полторы сотни лет до того.

Оставив позади квартал знати, мы попали в купеческий. Улицы кишели пешеходами, пришлось перевести коней на шаг. От Ричарда и его свиты не было видно и следа, так что вряд ли стоило силой прокладывать себе путь через толпу. По преимуществу здесь были греки, составлявшие большинство населения Мессины. Мы называли их – несколько презрительно – «грифонами». Но встречались и сарацины разных цветов кожи: темно-коричневые, бронзовые, черные как смоль. Последние, как я уяснил, прибывали из Эфиопии и Судана, лежащих далеко к югу от Египта. Были тут и евреи, с шапочками на голове и волосами, заплетенными перед ушами в колечки, а также армяне в забавных остроконечных шляпах.

В каждом здании занимались ремеслом или торговлей. Тюки хлопка выгружали из повозок и заносили в двери. Повсюду раздавались трели посаженных в клетки певчих птичек. Златокузнец постукивал молоточком по крошечной настольной наковальне. У стены одной лавки лежали вязанки сахарного тростника, впервые увиденного мною, а весь пол был завален мешками с кристаллизованным сахаром. Торговцы фруктами, стоя за небольшими лотками, зазывали покупателей, предлагая свежавыжатый сок – гранатовый и апельсиновый. Двое юнцов тащили в переулочек овцу. Я заглянул в него: скотину поджидал загон, а потом, судя по смрадному запаху дерьма и крови, нож мясника.

Дальше по улице зловоние сменялось манящим ароматом свежее испеченного хлеба. Я узнал пекарню, где мы отоваривались раньше. Будучи все еще голодным, я остановился рядом с ней и сказал Рису:

– Пара минут разницы не составит. Подожди меня.

Все еще страдавший от ночных возлияний парень с благодарностью обмяк в седле, держа безвольной рукой поводья моего коня.

В лицо пахнуло жаром, стоило перешагнуть порог пекарни, небольшого строения с прилавком во всю ширину входа. На нем были разложены караваи, пироги и другая выпечка. У задней стены стояли две сводчатые печи с открытыми топками, где я увидел раскаленные докрасна угли. Поблизости топтались рабочие с деревянными лопатами на длинной ручке, следя за тем, чтобы печености не пригорели.

Я улыбнулся хозяйке, красивой грифонке с длинными черными волосами, и указал на каравай средних размеров, пришедшиеся мне по вкусу в минувшие дни. По-гречески я пока не говорил, поэтому показал два пальца: один хлеб – для меня, другой – для Риса.

Она ответила, слова на ее родном языке прозвучали резко. Тон был совсем другим, не таким дружелюбным, как прежде. Я вежливо улыбнулся ей и выложил четыре трифолларо – медные монетки, самые мелкие из тех, что ходили на Сицилии.

Она сердито замотала головой и выставила ладонь с пятью растопыренными пальцами, а вдобавок еще большой на другой руке.

– Шесть трифолларо? – воскликнул я. – Вчера каравай стоил две монеты, а теперь три?

Она встретилась со мной взглядом. В глазах читался страх, смешанный с упрямством.

Я покопался в кошелек и увеличил количество монет до полудюжины.

– Кое-кто отнесется к этому не так спокойно, – заметил я.

В ответ я удостоился только сердитой гримасы.

Рис не удивился моему рассказу и сообщил, что цены на вино тоже намного выросли со дня нашего приезда.

– Местные нас не жалуют, – сказал парень. – Называют вонючими собаками.

– В этом есть доля истины, – ответил я, хмыкнув. – Большинство наших не слишком склонны мыться, а грифоны и ломбардцы окунаются в воду при первой возможности. Если верить молве, так поступают даже безбожные сарацины.

– Мы всех их называем Длиннохвостыми, – мрачно процедил Рис. – Чертями.

Это оскорбительное прозвище не порадовало меня, как и переданный Рисом слух про лучника, которого убили, а труп бросили в выгребную яму.

– Весть об убийстве не дошла до короля, – сказал я. – А потому я думаю, что она ложная. Рис кивнул, но взгляды, бросаемые им на встречаемых, были отнюдь не дружелюбными.

Я тоже стал смотреть в оба. Быть может, у меня просто разыгралось воображение, но мне показалось, что в воздухе разлито больше враждебности, чем раньше. Я редко наблюдал улыбки. Не слышал голосов кабатчиков, зазывающих солдат отведать их вин. Но стоило мне увидеть у пристани корабли с развевающимися на них знаменами Танкреда, как все мои заботы рассеялись, словно дым под утренним солнцем.

Приехала Джоанна.

Она оказалась в точности такой красавицей, какой ее описывали: высокая для женщины, статная, с рыжевато-русыми, как у брата, волосами, неодолимо притягательная. Смеющаяся, явно счастливая от встречи с Ричардом, она обладала мелодичным, чарующим голосом. Я был очарован ею, но в ту минуту меня ей не представили, как и других членов свиты, – король был целиком поглощен воссоединением с сестрой, которой не видел так долго.

– В последнюю нашу встречу ты была совсем еще девочкой, малышка, – сияя, сказал он. – А теперь ты Венера, сошедшая на землю!

Джоанна, покраснев, принялась возражать, но я видел, что она довольна.

Разговор между ними продолжался всю обратную дорогу до дома де Муэка: Ричард склонился в седле, а его сестра выглядывала из поданных ей носилок.

Я дорожил каждой возможностью ее увидеть.

Филиппу тоже не терпелось встретиться с Джоанной. Буквально на следующий же день он пожаловал с визитом. К вящей моей досаде, французский король был околован сестрой Ричарда, да и той, похоже, нравилось вести беседу с ним. Я с облегчением выдохнул, когда после ухода Филиппа Ричард сказал сестре, что не допускает и мысли о ее браке с ним. Еще больше меня порадовало, когда Джоанна соорудила гримаску и воскликнула:

– Господи Иисусе! Замуж за него? Да я лучше в монастырь уйду. – Заметив недоумение брата, она залилась звонким хохотом. – Мой смех и улыбки – притворство, призванное помочь твоему делу.

Ричард изумленно возрился на сестру.

Ах, это женское коварство! Мне-то, как и ему, показалось, что Джоанна вела себя искренне. Робея, я держался поодаль, пока рыцари двора соперничали друг с другом за право поговорить с ней. И ей самой вроде бы нравилось их общество. Конечно, это тоже могло быть притворством, но меня почему-то обуюла необъяснимая ревность. Выбитый из колеи приливом чувств, я обрадовался, когда на следующий день государь взял меня с собой по пути в Баньяру и в укрепленный монастырь, где мы готовились к переправе на Сицилию.

На время захватив обитель – и не став слушать жалобы монахов, – Ричард приказал, чтобы в ней устроили помещения для полудюжины рыцарей и пятидесяти жандармов.

Радуюсь, что оказался вдали от чар Джоанны, я пришел в отчаяние, узнав, что Баньяре предстоит стать ее новым местопребыванием. Сознать, что я не в силах говорить с ней, было скверно, но лишиться возможности лицезреть ее было стократ хуже. Страшась, что Ричард может догадаться о моих чувствах и рассердится или того хуже, я напустил на себя вид, какого никогда еще не принимал. Пребывая в хорошем настроении благодаря законченным за день делам, король не догадывался о моем внутреннем смятении, когда мы возвращались в Мессину вечером последнего дня сентября.

На следующий день Джоанну, к ее большому неудовольствию, отвезли вместе с придворными дамами в Баньяру.

– Это для твоей безопасности, малышка, – сказал ей Ричард.

Та спросила, что он имеет в виду. Король сослался на все более напряженные отношения между его солдатами и моряками и местным населением.

– Но до драки ведь не дойдет, правда? – спросила Джоанна, встревожившись.

– Надеюсь, но, если это случится, у меня должен быть план.

Ричард поцеловал сестру и пообещал, что ее пребывание в Баньяре не продлится долго.

В глубине души я желал, чтобы он оказался прав. Я решил, что, когда мне представится случай, я обязательно попробую заговорить с ней. Мысль была настолько же пугающей, насколько и манящей.

Во второй день октября мы захватили грифонский монастырь на острове в проливе Фаро, отделяющем Сицилию от Италии. Недоверие Ричарда к местным выросло настолько, что ему захотелось получить безопасное место для хранения снаряжения и осадных орудий, а также размещения лошадей. Монахи есть монахи: когда их изгоняли, они не оказали сопротивления, но были очень недовольны. Стоило им добраться до Мессины, как весть о нашем деянии разнеслась повсюду. Тем вечером на улицы вывалили толпы, и король счел разумным крепко-накрепко закрыть вход в дом де Муэка. Когда наступила ночь, мы увидели, что самые дерзкие из грифонов забрались на городские укрепления. Они распивали вино и выкрикивали оскорбления, обращаясь к воинам нашего главного лагеря. Все это, бог даст, закончится ничем, успокоил я Рису, хотя внутри появилось неприятное ощущение.

Наутро после завтрака мы вышли во внутренний двор – это стало у рыцарей обычаем. В море и за время путешествия по Италии выдавалось мало возможностей поупражняться на мечах, но здесь обстояло иначе. Ричард предложил рыцарям делать это каждый день, и его слова нашли единодушный отклик.

Когда мы, числом около дюжины, облачились для боя и принялись обмениваться ударами, в проходе к парадной двери показался высокий окровавленный человек, сопровождаемый одним из часовых. К своему удивлению, я узнал Ричарда Торна.

– Мне нужно поговорить с королем! – крикнул он.

Находившийся неподалеку Ричард услышал и опустил меч.

– Кто ты такой?

Торн опустился на колено, при этом спутанные волосы упали ему на лоб.

– Я Ричард Торн из Ромфорда, сир.

– Встань, парень, – нетерпеливо бросил король. – Что за новости?

Торн вывалил все. Он был близ входа в наш лагерь и видел, как один лучник сердито выговаривал грифонке из-за того, что ее хлеб сильно подорожал. За неделю цена выросла втрое, крикнул он своим спутникам. Раздраженная женщина разразилась громкой бранью. Вскоре другие торговцы, все грифоны, напали на крикуна. Когда товарищи подоспели на помощь лучнику, тот был изрядно помят, побит и лишился множества волос.

– Ясное дело, его приятели в долгу не остались, – продолжил Торн. – Стали махать кулаками и пинаться, а это еще сильнее разозлило грифонов. Пошли в ход тычки и дубинки, воины были вынуждены обороняться не на шутку. Кровь льется до сих пор. Боюсь, беспорядки ширятся. Толпы грифонов валят из города к лагерю, с ними есть и сарацины. – Рыцарь указал на порезы на лице. – Хорошо еще, что я легко отделался, пока пробирался сюда.

– Божьи ноги! – выругался Ричард. – Я преподам урок этим вороватым грифонам и врагам Христа. За мной!

Мы вскочили и бросились за оружием.

Глава 6

Мы спешно изготовились к выступлению. Торн настоял на том, чтобы пойти с нами, хотя и был изрядно помят. Для него подыскали гамбезон¹⁰ и щит, а также старый горшковый шлем в пятнах ржавчины. Нашлась и запасная лошадь. Всего нас было четырнадцать рыцарей, включая короля, и столько же оруженосцев. Последние нечасто бывали в бою, но созывать рыцарей еще откуда-нибудь было некогда.

Разозленные грифоны заполняли улицы, но после нашей атаки кинулись врассыпную, как мыши от кота. Никому из наших по пути от дома де Муэка не пришлось даже поднять меча. Как только мы прорвались, на нас в изобилии обрушились метательные снаряды, но серьезно никто не пострадал. К моему удовольствию, среди немногочисленных жертв оказался Фиц-Алдельм. Он не позаботился надеть шлем, и зазубренный кусок черепицы здорово рассек ему щеку. Кровь хлестала так, словно резали свинью.

Толпу перед лагерем прорвать было труднее, но вскоре и тамошние греки бежали кто куда. Мы помчались дальше по улице, что вела к главным городским воротам. Хотя грифоны попрятались в примыкающих улочках и переулках, нас по-прежнему было слишком мало по сравнению с разбушевавшейся ордой. Однако мы имели важное преимущество, будучи верхом. Мало кто в христианском мире не обделался бы от страха, если бы оказался, пеший и без оружия, на пути конницы. А если бы такой храбрец нашелся, это означало бы, что у него тесто вместо мозгов.

– Бить плашмя! – постоянно выкрикивал Ричард, вырвавший у кого-то увесистую дубинку и щедро раздававший удары по головам, рукам и плечам.

К этому времени мое первоначальное возбуждение улеглось. У меня не было желания сражаться с безоружными горожанами. Но я передумал, когда из подворотни выскочил дюжий детина со здоровенным поленом в руках. По счастью, я успел его заметить, потянул поводья и развернул коня, направив его прямо на верзилу. Перепугавшись, он шарахнулся в сторону, и я свалил его наземь, ударив клинком плашмя. Затем пришлось помогать Рису, на которого напали трое юнцов. Потом я уже без зазрения совести угощал ударами каждого подвернувшегося под руку грифона или сарацина.

Мы галопом неслись по улице. Вскоре всякое сопротивление прекратилось. Толпа рассеялась. Те немногие, кто остался, удирали от нас в смертельном испуге. Приближаясь к воротам, я придержал коня. На воротных укреплениях стояли вперемешку солдаты и простые горожане.

– Сир! – крикнул я. – Раз они на стене, то и ворота наверняка у них в руках!

Взгляд Ричарда проследил за моей вытянутой рукой.

– Ты прав, надо думать. Стой! – крикнул он, обращаясь к нескольким всадникам, вырвавшимся вперед.

Три оруженосца и два рыцаря не расслышали. Размахивая мечами, захваченные горячкой боя, они мчались к въезду в город.

Мгновение спустя массивные створки со скрипом и стоном стали закрываться. Тяжелый лязг железа и глухой стук падающего запорного бруса сообщили нам, что путь прегражден.

– Бесово отродье! – выругался Ричард, подъезжая ближе.

Приглядывая за парашетом – не собирается ли кто-нибудь выстрелить в короля? – я наскоро осмотрелся. Фиц-Алдельма не было видно, и в груди у меня затеплилась надежда. И точно: когда устроили перекличку, выяснилось, что мой враг был одним из двоих, в безумном порыве ринувшихся в город. Вторым был Пьер Тирпура, вспыльчивый малый, водивший

¹⁰ Гамбезон – доспешная одежда из нескольких слоев плотной ткани.

дружбу с де Бетюном. За ними увязались их оруженосцы и еще один – слава богу, не Рис. Судя по крикам и звону оружия, доносившимся из-за ворот, они там задавали жару.

Положение, однако, было скверное, и мы это понимали. Пятеро воинов не способны сдерживать многочисленную толпу долго. Ричард перешел к действию, каким-то образом сумев привлечь внимание начальника стражи. Объявив, что за каждого из наших убитых он повесит десятерых горожан, король отступил. Вслед ему понеслась отборная брань. Я разобрал возглас на французском: «Проваливай отсюда, король длиннохвостый!» Но вскоре начальник скрылся, а немного погодя шум схватки затих. Копыта застучали по мостовой, а значит, наши товарищи ускакали в надежде найти укрытие.

Разъяренный оскорблениями, но бессильный что-либо предпринять, Ричард повел нас обратно по улице.

Я молился, чего не делал вот уже много месяцев. Пусть Фиц-Алдельм получит смертельную рану, просил я, ничуть не смущенный греховностью просьбы. Раз уж я не могу его сразить, может, у Бога получится?

Как ни печально, мольбы мои не были услышаны. Несколько часов спустя Фиц-Алдельму, Тирпруа и оруженосцам позволили покинуть город. Они разыскали нас в поместье де Муэка, куда мы отошли. Мятежники все еще бушевали в пригородах, и король почел за благо переждать ночь. Его решение услать Джоанну в Баньяру, которое я, влюбленный, так сильно осуждал, казалось теперь мудрым.

Тирпруа хватило ума сделать вид, будто он пристыжен своей выходкой, зато Фиц-Алдельм принялся бахвалиться, рассказывая о том, как трусливые грифоны разбежались перед пятью воинами. Поначалу он не замечал осуждающих взглядов и разговоров за столом.

Я посмотрел на Ричарда: тот улыбался краем губ и ничего не говорил. Я тоже молчал.

Покончить с плодами воображения Фиц-Алдельма решил де Шовиньи.

– Послушай-ка, Роберт, – начал он. – Тебе невдомек, что король разговаривал с начальником стражи?

Фиц-Алдельм, все еще похвалявшийся тем, сколько мятежников обратил в бегство его меч, смолк. Он бросил беглый взгляд на Ричарда, потом на де Шовиньи.

– Король?

– Он сказал начальнику, что за каждого нашего убитого казнят по десять грифонов. Вы сражались храбро, сомнений нет, но толпа отступила из-за угрозы государя.

За столом раздались приглушенные смешки. Я даже не пытался скрыть своего удовлетворения.

Одна щека Фиц-Алдельма сделалась пунцовой от смущения – другую половину лица закрывала повязка, – и он бросил на меня взгляд, полный ненависти.

Я отсалютовал ему кубком.

На следующее утро Ричард, стремясь восстановить и обеспечить мир, собрал совет. Он созвал находившихся в городе служителей Танкреда, пригласил также короля Филиппа. Съехалось такое множество богатых и знатных особ, что единственным пространством, способным их вместить, оказался внутренний двор. По трем его сторонам расставили столы; король и его чиновники разместились за средним. Филипп со своими присными восседал справа, где обычно сидели почетные гости, а посланникам сицилийцев отвели худшие места.

Филипп приехал раньше людей Танкреда. Кое-кто из его спутников был мне знаком: Гуго, герцог Бургундский, Жоффруа, граф Першский, а также Петр, граф Неверский. А вот епископов Шартрского и Лангрского мне назвал де Бетюн. Французы старались держаться вместе и не вступать в разговоры с подданными Ричарда. Лед сломал архиепископ Вальтер, который, взяв архиепископа Жерара, приблизился к ним, – и завязалась натянутая беседа. Фран-

пузские бароны не спешили следовать их примеру, наши тоже. Мы были союзниками, но не друзьями.

Ричард поздоровался с Филиппом, подошедшим без спешки. Короли обменялись поцелуем мира, но особой приязни на их лицах не читалось. Однако Филипп весьма любезно принял предложенное Ричардом вино и согласился, что повторение вчерашней вспышки насилия необходимо предотвратить.

Чем скорее восстановится мир, тем быстрее вернется Джоанна, подумал я. Забавно, что это пугало меня больше грозивших нам беспорядков. Военное ремесло я освоил, а в делах любви остался жалким подмастерьем.

– Сицилийцам нельзя доверять, милорд, – сказал Ричард. – У меня есть веские основания полагать, что за беспорядками стоят дель Пин и Маргаритон.

Дель Пин был правителем Мессины, а Маргаритон – верховным флотоводцем Танкреда.

– Мне о том ничего не ведомо, милорд, – холодно заявил Филипп. – Бунт начался из-за каравая хлеба, как мне известно.

Ричард поджал губы.

– То была лишь последняя искра.

Филипп промолчал.

– Лучше нам выступить против этих грифонов и сарацин единым фронтом, – предложил Ричард. – Вы поддержите меня, милорд?

– До прибытия вас и вашего войска неприятностей не было, – сказал Филипп. – Насколько понимаю, беспорядки начались по вине ваших людей, из-за их разнузданного поведения.

– Кто здесь враг – я или сицилийцы?

– Я бы спросил ваших солдат о том же самом, милорд. Я полагал, что мы собираемся воевать против сарацин, а не обитателей Мессины.

– Все не так просто, и вам это известно! – Ричард ошетинился. – Я тоже стремлюсь попасть в Утремер как можно скорее.

Филипп вскинул бровь, но дальше этот вопрос обсуждать не стали ввиду прихода сицилийцев. Возглавлял их надменный, с нездоровым цветом лица дель Пин. Он, похоже, был не разлей вода с Маргаритоном, пузатым субъектом, у которого все пальцы были унизаны золотыми перстнями. С ними пришли три архиепископа и еще куча людей, чьи имена я не потрудился запомнить.

Сицилийцы принялись кланяться и расшаркиваться, свидетельствуя о своем уважении к монаршим особам. Все расселись по местам, оруженосцы и слуги разлили вино. Ричард предложил тост за мир, и все подхватили его. Гости выразили восхищение отменным вином. В отличие от меня король не услышал замечания одного французского барона: тот промолвил, что, на их счастье, оно не английское.

Переговоры шли по большей части на французском, и, поскольку некоторые ломбардцы говорили только на латыни, потребовался переводчик. Не особенно любопытствуя насчет государственных вопросов, я вскоре погрузился в свои мысли. Думал я главным образом о Джоанне, как и все время после ее отъезда в Баньяру. Глупо было даже мечтать о ней, но я ничего не мог с собой поделать. Я вспоминал мельчайшие подробности. Ее длинные волосы, обрамляющие лицо так, что выходит нечто вроде сердечка. Ее кожу, нежнейшую на вид, которую мне так хотелось погладить. Ее фигуру, скрываемую и одновременно подчеркиваемую платьем.

Голова моя резко повернулась, когда входная дверь громко стукнула. Не я один положил руку на эфес меча.

Ввели отдувающегося жандарма – его прислал сержант из лагеря, со всех сторон осаждаемого грифонами.

Ричард поблагодарил солдата, велел позаботиться о нем и с сердитым видом обратился к присутствующим, заявив, что время решает все. Если не предпринять немедленных действий – он посмотрел на дель Пина и Маргаритона, – придется заплатить человеческими жизнями. Филипп ничего не сказал.

Далее переговоры пошли успешнее. Дель Пин согласился, что ограничение цен на хлеб, вино и прочие припасы – хорошая идея. Но он стал возражать против предложенного Ричардом потолка стоимости, и начался спор. Мы куда правильнее употребили бы время, подумал я, если бы продумывали поход на Утремер, а не торговались из-за медяков с этими подлыми грифонами.

В этой накаленной обстановке появился второй гонец. Мятеж разгорался, атаки на английский лагерь вынуждали людей короля отступать. Ричард тоже ушел бы, но вмешался архиепископ Вальтер, умолявший государя остаться и найти мирный выход. Стиснув зубы, Ричард сел. Филипп снова ничего не сказал и не сделал.

Я тоже не находил себе места. Поверх гула бесед до меня долетали крики и кличи, которые ветер приносил из нашего лагеря. Я поманил топтавшегося рядом Риса.

– Грядет беда, – шепнул я ему на ухо. – Приготовь мое снаряжение и Поммерса. Пусть Филип сделает то же самое для короля. А вообще, передай это всем оруженосцам.

Рис угрюмо кивнул и выскользнул со двора.

Третьего гонца не пришлось ждать долго. Он был пепельно-бледным, со свежей ножевой раной на левой руке.

– Жилище Гуго де Лузиньяна под ударом, сир, но это не самое плохое, – сказал он, пачкая кровью мозаичный пол. – наших убивают как в городе, так и за его стенами.

Ричард вскочил прежде, чем гонца усадили на скамью.

– Ты пойдешь и постарайся остановить это безумие, – обратился он к дель Пину твердым как гранит тоном. – Поговори со своим народом. Отдай приказ городской страже. Сделай все, что в твоих силах!

Дель Пин посмотрел на Маргаритона, который кивнул, затем нервно бегающие глазки вернулись к королю.

– Исполним, сир. А вы?

– Я приму свои меры, – ответил Ричард. Он обвел взглядом ожидающий рыцарей. – К оружию, мессеры! Мы нужны нашим людям. – Король посмотрел на Филиппа. – Вы нам можете, милорд?

– Я не стану участвовать в насилии, – сказал Филипп. – Я и мои люди не в ссоре с жителями Мессины.

Ричард воззрился на него. Левая щека короля задергалась – я знал, что это признак неподдельного гнева. Однако Ричард ничем больше не выдал его и вышел из-за стола, не добавив ни слова.

Я обернулся. Филипп смотрел ему вслед, явно что-то прикидывая.

Отгнав грифонов от дома, где размещался Гуго де Лузиньян, мы получили подкрепление в лице самого Гуго и восьми его рыцарей. Рис и прочие оруженосцы с нами не поехали – отсутствие доспехов делало их легкой добычей. Отряд наш теперь насчитывал двадцать одного рыцаря, включая короля, и мы двинулись к лагерю. Нас было мало, но закованные в броню всадники – ужасающая сила по сравнению с горожанами, вооруженными камнями и палками. Ко времени нашего подхода положение улучшилось: начальники смогли наконец навести порядок и организовать сопротивление. Но далеко не все мятежники обратились в бегство. Около семисот человек продолжали атаковать лагерь, окруженный одним лишь неглубоким рвом. Внутри укреплений виднелось много трупов; судя по одежде, многие принадлежали нашим солдатам.

Меня захлестнула холодная ярость. Кое-кто из воинов вел себя дурно, это правда, – но, насколько я знал, никого из местных не убили.

Ричард испытывал такие же чувства.

– Видите тела? – вскричал он. – Это дело рук грифонов!

Гневный клич стал ответом на эти слова. В нем звучал и мой голос.

Король построил нас в два ряда и повел в наступление по внешней границе лагеря. Я находился в первой шеренге, рядом с государем. Кровь бурлила в жилах. С копьем под мышкой правой руки и щитом в левой, глядя через узкую щель шлема, ощущая под собой мускулистую громаду – Поммерса, я чувствовал себя неуязвимым.

Кони перешли на полный галоп. Земля тряслась. Люди в лагере разразились радостными криками. Мы подхватили брошенный Ричардом клич «Дезе!». Грифоны кинулись врассыпную.

Мы обрушились на них, подобно демонам возмездия, наши копья били с силой стенобитных таранов, мечи без труда отсекали руки и головы.

Когда местность вокруг лагеря очистили от врага, Ричард велел остановиться. Никто из рыцарей не погиб, только один получил легкую рану. Когда король спросил, готовы ли мы взять город, раздался дружный рев.

Пока государь отдавал приказы начальникам пехотинцев, мы немного передохнули. Главный натиск, сообщил он, вернувшись, будет направлен на те самые ворота, за которыми накануне попал в ловушку Фиц-Алдельм. Нам же предстояло совершить внезапное нападение.

– Где, сир? – спросил Фиц-Алдельм. Это хотели знать все, кроме меня и Риса.

Днем ранее король захватил нас с собой, совершая скрытный объезд вокруг городских стен. Мы взяли на заметку полузаброшенную башню: внизу имелась калитка для вылазок, через которую можно было проникнуть в крепость.

– Следуйте за мной, и увидите, – сказал король. Мимолетная улыбка пробежала по его угрюмому лицу.

Мы вернулись к дому де Муэка, чтобы оставить коней и взять как можно больше секир. Поручив скакунов заботам оруженосцев – Рис пришел в отчаяние, ибо снова остался в тылу, – мы вышли вслед за королем на улицу. Ричард избрал кружной путь: по узким переулкам, в обход главных дорог. В домах яростно лаяли собаки, иногда из двери показывалось искаженное страхом лицо, но никто не рискнул помешать нам. Мы успешно продвигались – здесь, возле городской стены, мятежников не было.

Ричард остановился в тени небольшой церкви, за которой проходил ров, окружавший город. Приказав нам заглянуть за угол и убедиться, что мятежники нас не обнаружили, он изложил свой план.

– Видите дверь в основании ближайшей башни?

Все закивали. В укрепления был включен природный выступ: возведенные на нем стены справа уходили к могучей башне, а слева – вдаль. Выступ не был полностью скальным – у его основания, обращенного ко рву, виднелся крутой каменистый склон.

Судя по крепостной калитке, продолжил Ричард, спуститься там нетрудно. Нам же предстояло проверить, можно ли подняться по склону. Взгляд короля, воинственный и яростный, пробежал по нашим лицам.

– Вы со мной?

Убеждая себя, что часовые на башне не видят нас, я вполголоса поддержал остальных, давших согласие.

Не теряя времени, Ричард вывел нас на открытое пространство. Мы двигались настолько быстро, насколько это возможно для людей в полном доспехе, со щитами, секирами и длинными мечами в ножнах. Нам повезло со рвом, частично осыпавшимся из-за отсутствия должного ухода. Благополучно спустившись в него – дозорные, видимо, ничего не заметили, – мы

забросили щиты за спину и начали взбираться по склону. Он был крутым, так что приходилось цепляться руками и подыскивать для ног любую опору. Ричард, разумеется, шел впереди, за ним следовали четверо с секирами. Одним из них был я, другими – де Шовиньи, де Бетюн и Фиц-Алдельм.

Вскоре от усилия я стал истекать потом: он выступил под мышками и полился со лба на глаза. Ругаясь под нос, я моргал, стараясь стряхнуть его, и то и дело задираю голову, чтобы посмотреть наверх. Видал я по большей части подошвы сапог Фиц-Алдельма, а также камешки и пыль, сыпавшиеся на меня, но иногда успевал разглядеть башню, хорошо видную в посиневшем небе. Сигнала тревоги по-прежнему не было, и я начал надеяться, что нам удастся добраться до калитки незамеченными.

Оставалось преодолеть футов тридцать, когда выступ обвалился под тяжестью короля. Слава богу, Ричард не соскользнул в ров лицом вниз, но звук падения и стук потревоженных камней получились очень громкими.

Мы застыли. Со стороны главных ворот долетали крики и звон оружия. Быть может, они нас не услышали, подумал я.

На вершине башни показалась голова. Она принадлежала юноше, похоже лишь недавно начавшему бриться. Лицо его перекошилось от ужаса, он прокричал что-то на латыни.

– Живо! – гаркнул Ричард. Голос его звучал приглушенно из-под шлема. – Пошли!

Больше я не отваживался смотреть наверх. Слишком легко было представить себе арбалетную стрелу, влетающую в прорезь моего шлема. Последний отрезок пути я преодолел как одержимый, обогнал Фиц-Алдельма и добрался до подножия башни одновременно с королем.

Он указал на калитку:

– Руби!

Положив щит на землю, я с жаром принялся за дело. На помощь подоспел де Бетюн. Мы хорошо дополняли друг друга: один наносил удар, пока другой замахивался. Дверь трещала под нашим натиском, летели щепки и обломки дерева. Калитка была крепкой, чего и стоило ожидать, судя по ее расположению. Мы раз за разом обрушивали на нее секиры. Это требовало недюжинных усилий, ведь оба были в полном доспехе и со шлемами на голове. После двух десятков ударов сердце у меня колотилось так, что грозило разорваться. Понимая наше состояние, Ричард дал приказ отойти. В кои-то веки я обрадовался Фиц-Алдельму, занявшему мое место. Вместо де Бетюна встал де Шовиньи.

Тяжело отдуваясь, я поднял щит. Помимо двоих секирщиков и Ричарда, все держали щиты над головой. Стрелы сыпались на нас с той скоростью, с какой арбалетчики успевали перезаряжать оружие. Множество их вонзилось в землю вокруг короля. Я отважился взглянуть наверх и убедился в правильности своей догадки. Видно было четверых стрелков, и по меньшей мере двое избрали целью Ричарда. Его красный гребень, подумалось мне. Быть может, они не знают, кто именно противостоит им, но гребень на шлеме выдает начальника. Я бросился вперед, злясь, что никто до меня не подумал об этом.

– Сир! – крикнул я.

Шлем Ричарда повернулся. Из прорези смотрели голубые глаза.

– Что?

– Вам следует защитить себя, сир.

Я переместился за его спину, стараясь сдвинуть щит, по-прежнему подвешенный на ремне.

– Брось, Руфус. Мы тут не задержимся, – сказал он.

Как же он чертовски упрям, подумал я, вскидывая над его головой собственный щит.

– Руфус! – Король снова посмотрел на меня. – В тебя попадут.

– Лучше пусть ранят меня, чем вас, сир.

Вопреки бахвальству, у меня сосало под ложечкой. Не далее мгновения назад я ощутил, как рядом с моей ногой в землю воткнулась стрела. Хауберк¹¹ хауберком, но с вершины башни арбалетчики могли пускать болты с убойной силой.

– Упрямая ирландская башка! – крикнул Ричард, но все же подтянул свой щит и поднял над головой, позволив мне снова защитить себя.

Тук! Стрела вонзилась в щит короля с такой силой, что половина ее оказалась с обратной стороны доски.

Ричард расхохотался. Он ничего не боится, подумал я и тоже засмеялся.

Дверь трещала под напором Фиц-Алдельма и де Шовиньи. Длинный извилистый разлом пробежал от ее верха почти до нижней петли. Но оба рыцаря устали, и мы с де Бетюном сменили их. Сосредоточившись на нижней части трещины – дойди она до петли, дверь завалится внутрь, – мы с удвоенной силой замахали секирами. Доски ломались. Ричард подбадривал нас криками.

Казалось, на мой шлем обрушился молот. Я пошатнулся, моя секира высекла искры, чиркнув по каменной кладке. Голова звенела, перед глазамиплыли звездочки. Сильная рука ухватила меня за правое плечо, и я снова как следует встал на ноги.

– Руфус?

В голосе короля звучала озабоченность.

Я втянул воздух, потом выдохнул:

– Я цел, сир.

Он отвел меня в сторону, и мое место занял де Шовиньи со своей секирой. Прикрыв нас обоих, насколько возможно, своим щитом, Ричард впился в меня взглядом:

– Не врешь?

Мне доводилось лгать прежде, скрывая слабость, но я уже вполне очухался и больше не чувствовал себя так, словно стою на палубе корабля в шторм.

– Шлем принял на себя большую часть удара, сир.

Король выпрямился и посмотрел на верхушку моего шлема.

– Господи, а ты прав! Клянусь, тут вмятина в полдюйма глубиной.

– Сир! – раздался возбужденный возглас Фиц-Алдельма. – Дверь вот-вот рухнет.

– За работу, Руфус, – сказал король, передав мне мой щит и велел остальным приготовиться. Потом обратился к Фиц-Алдельму и де Бетюну: – А ну, разойдись!

Войти в узкую дверь можно было только по одному. Я занял место позади короля, глядя из-за его плеча на расщепленные доски. Один хороший пинок, подумалось мне, и мы внутри.

Держа наготове меч, Ричард поднял правую ногу.

Пугающее предчувствие овладело мной. Бросив клинок, я схватил короля за плечо и потянул назад и в сторону.

Щелк! Что-то темное промелькнуло там, где мы только что стояли. Раздался чавкающий звук, затем хрип. Пьер Тирпруа, по дурацкой беспечности не застегнувший кольчужный воротник, рухнул в грязь со стрелой в горле.

Вот бедалага, подумал я, жалея, что стрела досталась не де Гюнессу, следовавшему за ним.

Ричард напрягся, готовясь опять вламываться в башню. У нас было очень мало времени до того, как арбалетчик успел бы перезарядить оружие.

– Там могут быть двое, сир! – крикнул я.

Кивок – слышу, мол. Вместо ноги он воспользовался щитом, обрушив его на изрубленную дверь.

¹¹ Хауберк – длинный кольчужный доспех.

Щелк. Хрясь. Стрела пробила щит короля насквозь и уткнулась ему в ребра, но государь был уже внутри и налетел на двоих воинов, скрывавшихся за дверью. Оба лихорадочно взводили арбалеты. Ричард мощным ударом сверху вниз расколол одному шлем и череп, а я, ворвавшись следом, вогнал клинок – до самого перекрестья – в грудь другому.

Больше в грязной каморке никого не было. Мы проникли в башню.

Ричард хлопнул меня по плечу, благодаря за спасение его жизни. Я расплылся в улыбке под шлемом, счастливый, как пес, получивший мясную косточку, и спросил, не ранен ли он. Король снова расхохотался и ответил, что стрела не пронзила кольчугу. Стерев кровь с мечей, мы вогнали их в ножны и снова закинули щиты за спину. Чтобы взбираться по крутой лестнице, ведущей на вершину башни, требовались обе руки. Я не без опаски посматривал на квадрат дневного света футах в двадцати над нашими головами. Насколько мы знали, наверху нас поджидали новые арбалетчики. Было бы безумием, если бы король пошел впереди.

– Я пойду первым, сир, – сказал я.

Ричард хмыкнул:

– Что, собрался украсть у меня славу?

– Нет, сир, – возразил я, совершенно искренне.

– Это моя опасность, – заявил Ричард и поставил ногу на нижнюю ступеньку.

Я, месяцами не вспоминая про молитву, возносил вслед поднимающемуся королю страстное упование: да не станет этот час для него смертным.

Фиц-Алдельм, протиснувшийся в комнату после нас, вознамерился было пойти следующим, но я его опередил. Он глянул на меня с такой ненавистью, словно готов был убить на месте. Но рядом были другие, и ему осталось лишь пойти по лестнице следом за мной.

Через миг я и думать забыл про Фиц-Алдельма – так сильно боялся, что короля застрелят прежде, чем мы ворвемся наверх. Слава богу, он не пострадал. Мгновением позже я увидел открытое пространство. Высунувшись по плечи, я оперся руками на доски, чтобы выбраться наверх, но тут на шлем мне легла ладонь.

– Оставайся на месте! – прошипел Ричард.

Я без раздумий повиновался. Щель моего шлема находилась на уровне пола, видеть я мог только сапоги Ричарда, присевшего надо мной, да кусочек голой каменной кладки в нескольких футах далее. Тем не менее в животе у меня сжался ком. Смерть была где-то рядом.

Щелкнул арбалет. Стрела со стуком вонзилась в щит Ричарда. Вторая попала в доску рядом с его ногой.

– Вылезай, пока перезаряжают! – приказал король.

Я выбрался наверх так быстро, как только смог, прикрыл голову щитом и лишь тогда бросил взгляд на Ричарда, принявшего такую же меру предосторожности.

– Роберт, погоди! – крикнул король в люк и обратился ко мне: – Защищай его.

Приказ был мне ненавистен, но короля не ослушаешься. Держа щит над головой, я присел на корточках рядом с Фиц-Алдельмом, шлем которого как раз высунулся наружу.

– На крыше двое, они-то в нас и целятся, – пояснил король. – Нам их не достать, но это и ни к чему. Как только выстрелят, мы с тобой выходим через ту дверь. Бьюсь об заклад, она ведет на укрепления. Фиц-Алдельм прикроет следующего, и так далее. Очень скоро все наши поднимутся сюда – Бог даст, невредимые.

Арбалетчики спустили тетивы. Одна стрела ударила мне в щит и почти прошла его насквозь, больно ударив по пальцам, защищенным кольчужной рукавицей. Другая отскочила от боковой стороны моего шлема, задела плечо и упала на пол. Голова снова загудела, и я с радостью последовал за Ричардом, бросив Фиц-Алдельма на милость вражеских стрелков. Вдруг кто-нибудь найдет уязвимое местечко в его хауберке, подумал я.

Дверь вела в безлюдную комнатку, караулку, судя по обстановке – очаг, стол и стулья. Ричард направился к двери в противоположной стене, приоткрыл ее и выглянул в щелочку.

– Хорошие новости, Руфус, – сказал он. – Не далее как в десяти шагах на улицу спускается лестница.

– Как насчет вражеских воинов, сир?

– Несколько человек, но в некотором удалении, и они, похоже весьма... заняты.

Он хмыкнул.

Вот чего я так желал услышать – нападение на главные ворота отвлекло внимание от нас. Через недолгое время к нам присоединился весь отряд. К сожалению, мы лишились еще одного бойца – арбалетчики с крыши сразили Мэтью де Солея. Мы все разозлились. Один из рыцарей предложил поджечь дощатый пол. Это превратит башню в пылающий факел, сказал он, – достойная кара грифонам, посмевающим убить двоих членов королевского двора. Ричард, в отличие от меня, проглядел, как Фиц-Алдельм кивнул в знак согласия, и резко перебил рыцаря, сказав, что так убивают только трусы.

– К тому же у нас есть дела поважнее, – добавил король.

Дав краткие указания – держаться вместе, вступать в бой только для того, чтобы проложить дорогу, а у главных ворот не жалеть сил, лишь бы открыть их, – он вывел нас через дверь.

Беспрепятственно спустившись по лестнице, мы оказались на узкой мощеной улице. Вокруг не было ни души. По одну сторону тянулись дома, по другую – крепостная стена с дорожкой вдоль нее. Наибольшая опасность грозит отсюда, решил я. Любой лучник или арбалетчик сможет безнаказанно расстреливать нас со стены.

Ричард, превосходный военачальник, тоже это заметил. Прижавшись к подножию стены, он приказал нам следовать за ним по одному. Так, гуськом, мы преодолели около четверти мили и остались незамеченными. Достигнув перекрестка, от которого дорога уходила налево, внутрь города, Ричард перестал таиться и велел нам построиться в шеренгу поперек улицы. Открытое пространство перед нами было заполнено горожанами и солдатами гарнизона. Головы повернулись в нашу сторону. Оружие было взято на изготовку. Прозвучал клич.

Переходя на бег, Ричард повел нас прямо на толпу. Среди нас стали падать стрелы, пущенные из арбалетов и луков, – враги на стене обнаружили нас. С крыш и из окон полетели камни, кирпичи, куски черепицы. Оставалось лишь идти в атаку и надеяться, что в тебя не попадут.

– Де Роверей упал! – крикнул кто-то позади меня.

Я сбавил шаг. Де Роверей, мой друг, был славным малым, знавшим толк в вине.

– Не останавливаться! Он мертв, – послышался другой голос.

«Проклятые грифоны!» – выругался я, сгорая от желания помахать мечом.

Случай вскоре представился. Толпа хлынула нам навстречу громадной, беспорядочной волной. Ричард ни на йоту не замедлил шага, как и мы. Скорбя о павших товарищах, мы пробрались себе кровавую тропу через самую гущу греков. Я распорол руку человеку, размахивавшему дубинкой, и тот дико заорал. Толкнув щитом, я опрокинул его на напиравших товарищей. Лишенный возможности пошевелиться, он смотрел, разинув рот, как острие моего меча вонзается ему в глаз. Стоявшие позади него грифоны увидели достаточно. Повернув спины, они побежали, расталкивая приятелей. Вспыхнула паника, некоторые из тех, кто был рядом, дрогнули.

Ричард неподалеку от меня орудовал мечом, как смерть – косой. Голова одного грифона слетела с плеч, взметнулся алый фонтан. Другой тупо пялился туда, где недавно была его рука. Король убил третьего противника, потом четвертого. Вскоре желающих сразиться с ним не осталось, вокруг нас наблюдалось то же самое. В два счета враг очистил улицу, и мы оказались среди искалеченных, убитых и умирающих.

Снова принялись за дело арбалетчики и метальщики на близлежащих домах. Прикрывшись щитами, мы двинулись дальше, к главным воротам. Опасность не отступала. Стрелы, большие и поменьше, свистели и шуршали, били в щиты, высекали искры из мостовой. Кое в

кого из наших попали, но кольчуги спасли от серьезных ран. Из окна второго этажа выбросили стол, с громким треском упавший на землю совсем рядом с Фиц-Алдельмом. Пока рыцарь грозил кулаком ухмылявшемуся обидчику, из окна, кувыркаясь, вылетел стул и задел Фиц-Алдельма по касательной. Тот убрался, не дожидаясь прилета еще одного предмета мебели. Содержимое ночного горшка, тоже выброшенного из дома, вынудило де Бетюна поскользнуться и шлепнуться на задницу. Вассал отца Ричарда, Генриха, а до того слуга его старшего брата, Молодого Короля, де Бетюн отличался хладнокровием и был не прочь как следует поострить. Но в ту минуту он почему-то не смеялся.

А вот я загоготал так, что был не в силах помочь ему.

– Находишь это забавным? – процедил он через прорезь шлема.

– Прошу прощения... – Я не выдержал и снова рассмеялся. Овладев собой, я протянул ему руку и сказал: – Больше не буду.

Выругавшись вполголоса, он ухватился за мою ладонь.

В следующий миг, из-за какого-то подлого стечения обстоятельств, земля ушла у меня из-под ног. Я грохнулся рядом с де Бетюном, вляпавшись задницей в дерьмо.

Де Бетюн хохотал так сильно, как никогда прежде. Пришлось присоединиться к нему.

– Когда вдоволь повеселитесь, неплохо бы снова заняться делом.

Король, впрочем, и сам развеселился и отпустил, в числе прочих, пару шуточек на наш счет.

Стычка с еще более многочисленной толпой перед главными воротами тоже закончилась в нашу пользу. Не сомневаюсь, что кличи наших соратников с другой стороны сыграли нам на руку. Король лично, прибегнув к помощи меня и Фиц-Алдельма, поднял тяжелый запорный брус и отвалил его. Большинство пробежавших мимо солдат даже не видели Ричарда. Горланя, словно преследующие оленя псы, воины хлынули в город. Грифоны не приняли боя. Они побежали, в панике налетая друг на друга, а иногда – на отряды наших людей. Пощады не было. Мечи поднимались и опускались. Грифоны умирали.

– Как колосья под серпом, – проговорил Ричард, не делая попыток вмешаться.

Грифоны сами навлекли беду на свою голову, подумал я. Тем не менее я повернулся спиной к бойне и попытался представить себе такую же победу, но над настоящими врагами – мамлюками Саладина.

Глава 7

Вскоре по войску разлетелась шутка: королю потребовалось меньше времени, чтобы взять Мессину, чем священнику отслужить заутреню. Не вполне верно – но стремительность штурма была примечательной. Любая осада благодаря мощным укреплениям и слабости стенобитных машин могла длиться месяцами. В этом же случае сопротивление прекратилось еще до того, как день перешел в вечер.

Разрушения не ограничились городом. Отряды Ричарда направились в гавань и предали огню сицилийский флот. Сама Мессина тоже выгорела бы дотла, если он не вмешался лично. Не посмеяв перечить наводившему ужас королю, в кольчуге и заляпанном кровью сюрко, солдаты вернулись в лагерь. Мало кто был трезв, и большинство их возвращалось с добычей. Я видел, как воины катили бочки с вином, несли части туш, мешки с мукой, отрезки материи и серебряную посуду. Кудахтали и металась куры, которых отлавливали по переулкам пьяные жандармы. Двое лучников с горем пополам тащили скатанный ковер длиной в две повозки.

Пока солнце – огненный оранжевый шар – закатывалось за горизонт, я стоял вместе с Ричардом на надвратном укреплении и наблюдал за тем, как на стенах водружают королевские и аквитанские знамена. Стяг Танкреда полетел вниз на улицу, где жандармы вытирали об него ноги и гоготали. Старый гнев всколыхнулся во мне: не так ли все было, когда солдаты под началом Гая, брата Фиц-Алдельма, сожгли мою родовую твердыню в Кайрлинне? Я не позволил гневу разгореться. Ирландия далеко, за полмира отсюда, а Иерусалим еще только предстоит взять.

– Хороший день, Руфус, – произнес Ричард, кладя локти на парапет. – Мессина моя.

– Как и полагается, сир, – сказал я. Король мог быть доволен: не он начал эту битву, зато он ее закончил. И при этом не допустил большой резни.

– Посмотри.

Ричард дернул подбородком.

Невдалеке от ворот я разглядел наблюдавших за нами двух солдат с лилиями на щитах.

– Французы, – сказал я.

– Разнохивают по велению Филиппа, – отозвался Ричард. На его губах появилась хищная усмешка. – Любопытно, как ему понравится то, что я тут устроил?

Прошел час. Помывшись и переодевшись, мы собрались в нашем излюбленном месте – во дворе дома де Муэка. Рыцари хвастались друг перед другом синяками и порезами, полученным в дневной схватке. Ричард расчесывал бороду перед серебряным зеркалом. Вино лилось рекой. Слышались смех и шутки, в которых, к моей досаде, частенько упоминалось про ночные горшки. Все полагали, что наши с де Бетюном хауберки никогда уже не будут пахнуть по-прежнему.

Рис уже взялся за дело, отчищая доспех в бочке с водой и песком. Он злился на меня, и небеспричинно. С полдюжины серебряных пенни изменяют его настроение к лучшему, думал я, одновременно надеясь, что старания парня увенчаются успехом.

В парадную дверь постучали, громко и настойчиво.

Мы посмотрели на короля, запретившего пускать кого-либо без его разрешения. Узнав, что это гонец Филиппа, он распорядился отослать его прочь.

Я с тревогой посмотрел на де Бетюна, в чьих глазах отразилось то же чувство. Филипп никому из нас не нравился, но он был союзником. Разжигание ссоры не принесло бы добра никому и не помогло бы достичь главной цели – взять Иерусалим.

Но Ричарду мы ничего не сказали. Он все еще пребывал в воинственном настроении.

Прошло немного времени, и в дверь постучали снова.

Прибежал караульный.

– Обязан доложить, государь, что снаружи стоит этот самый Гуго, герцог Бургундский, – сообщил он. – Говорит, что не уйдет, пока не поговорит с вами.

Король по-заговорщицки улыбнулся мне: «Ну, что я тебе говорил?»

– Впустите его, – сказал он.

Гуго был хорошо знаком всем нам, в особенности Ричарду. Склонный вторгаться в Аквитанию при любой возможности, герцог в прежние времена водил дружбу с Молодым Королем и докучливым Раймундом Тулузским.

Круглолицый и дородный Гуго, отдуваясь, шел по коридору. Когда жандарм объявил о прибытии герцога, тот протиснулся мимо него, направившись к Ричарду.

– Сир.

Он согнул колено, но пола не коснулся.

– Поздновато для частных визитов, герцог Гуго, – заметил Ричард.

– Ну, первый посланец ведь не смог вручить письмо, сир.

– Как я уже сказал, поздновато для подобных вещей, – ответил король, не поведя бровью. – Что-то стряслось?

– Я прибыл от короля Филиппа, сир.

– Вот как? – Ричард изобразил удивление. – Настолько важное дело, что оно не терпит до нашей завтрашней встречи?

Лицо Гуго, и без того красное, побагровело.

– Ва... ваши флаги, сир, – выпалил герцог. – Они реют над главными воротами, а вот знамен моего господина нигде не видно.

Ричард недоумевающе посмотрел на него:

– На предыдущем совещании Филипп наотрез отказался участвовать в происходящем. Ни один из его воинов не помогал в подавлении беспорядков. Если честно, ходят даже слухи, что сегодня его люди препятствовали входу моих кораблей в гавань.

– Это все неправда, сир.

– У меня нет ни времени, ни желания разбираться. Я не вижу также причины, по которой знамена Филиппа должны висеть на стенах.

– Но он ведь ваш сюзерен, сир, в глазах Божьих и человеческих.

Гуго напомнил о вассальной клятве, принесенной Филиппу Ричардом за континентальные владения: Нормандию, Бретань, Аквитанию и прочее. Подчинение чисто наружное, – по сути, Ричард был куда могущественнее французского короля.

– Так и есть, я люблю его и почитаю.

Голос Ричарда звучал искренне, но все присутствующие знали, что он лжет.

– Если вы признаете верховенство короля, сир, его знамена должны сменить ваши на стенах.

– Он отказался принимать участие в сражении. Не предоставил ломбардцам защиты, хотя те умоляли о ней. И сейчас заявляет права на победу?

– Король Филипп хочет, чтобы его требования были немедленно удовлетворены, – ровным тоном произнес Гуго.

– Само предположение об этом бредово. – Ответ Ричарда прозвучал резко. – Мессина моя. Моя, ты слышишь?

Гуго струсил под гневным напором Ричарда, но признавать поражение не спешил.

– В Везле, сир, вы с Филиппом поклялись делить всю добычу поровну.

– Ту, которую мы захватим совместно.

– Любую, сир.

– С таким же успехом можешь пойти и стукнуться башкой о ту стену. – Ричард указал пальцем. – Мои флаги останутся на месте. Там, где висят по праву. А теперь, если тебе нечего больше сказать...

Расстроенный, но бессильный, Гуго пробормотал слова прощания и отправился восвояси.

– Эх, хотел бы я хоть вполглаза поглядеть на Филиппа, когда он это услышит, – сказал Ричард, не потрудившись понизить голос.

Я любил и почитал короля, но он бывал подвержен приступам губительной гордыни, как в этом случае. Я понял, что де Бетюн разделяет мое мнение, и, посмотрев на каменное лицо Шовиньи, заподозрил в этом и его. Эти двое, впрочем, искусно скрывали свои переживания. А вот чтобы прочесть мои, Ричарду хватило одного взгляда. Он поманил меня пальцем.

– Сир?

Я побрел скрепя сердце по мозаичному полу.

– Ты полагаешь, я поступаю безрассудно?

В тоне его безошибочно угадывалась воинственность.

Я выругался про себя. Ну почему по мне всегда видно, что я думаю? Убедительного ответа найти не удавалось.

– Это не так, сир.

Он фыркнул:

– Когда герцог Гуго уходил, вид у тебя был прямо-таки несчастный.

– Он проявил неуважение к вам, сир, – сказал я, стараясь уклониться от сути разговора. – Мне это не понравилось.

– Ты меня совсем за олуха держишь? Выкладывай все как на духу.

– Король Филипп ошибается, сир.

– Верно. Сюзерен или нет, он не вправе требовать, чтобы его стяги повесили вместо моих.

– Не вправе, сир, – согласился я.

– Но что? – с вызовом спросил Ричард.

– Филипп ведь ваш союзник, сир.

Мой намек был прозрачен.

– Божьи ноги!

Все еще в запале, король разразился гневной тирадой в адрес французского монарха. Отказ помочь в подавлении беспорядков. Многочисленные козни против Ричарда. Как пить дать, здесь, в Сицилии, он замышляет недоброе вместе с Танкредом. Филипп – подлец и обманщик, заявил король, и заключит сделку с самим дьяволом, если она покажется ему выгодной.

– Все, что вы говорите, сир, – чистая правда, но...

На этом я остановился, давая понять, что Филипп и Ричард поклялись не разрывать союза.

– Мошенник не имеет права ни на какую часть богатств Мессины!

Король выдал еще одну речь, но уже не такую долгую. Гнев его, как обычно, быстро прошел, на чем и строился мой расчет.

С минарета на близлежащей мечети раздался призыв муэдзина к молитве: «Хаййа ‘аля с-салях! Аллаху акбар! Ля иляха илля Ллах!»¹²

Ричарда сделался задумчивым.

– Люди в Утремере, внимающие этому призыву, – вот истинные наши враги.

– Именно так, сир, – сказал я, приободрившись. – И чтобы победить их, нам потребуются все силы.

Король весело хохотнул.

¹² «Спешите на молитву! Аллах велик! Нет бога, кроме Аллаха!» (ар.)

Я посмотрел на него.

– Мы скорее побьем Саладина, если бок о бок со мной будет сражаться Филипп, – объявил государь.

Наконец-то он приходит в себя, с облегчением подумал я. И верно, вскоре его гнев улегся, сменившись более благодушным настроением.

– Я злился на Филиппа и до сих пор злюсь, но это не причина обращаться с ним как с мерзавцем, – сказал Ричард. – У него есть-таки право требовать половину всей добычи, взятой нами в Мессине у этой мартышки Танкреда. Так и скажу ему поутру. Вот только сомневаюсь, что Филипп этим удовлетворится: он слишком горд и капризен. Внешние приличия для него – все.

– Он будет по-прежнему возмущаться тем, что его штандарты не висят над главными воротами, сир, – согласился я. – Если есть способ потрафить его тщеславию, не доставив радости при виде того, что его знамена стоят рядом с вашими...

После минутного раздумья в глазах Ричарда появился радостный блеск.

– Я пошлю гонца к тамплиерам и госпитальерам. Пока соглашение с Танкредом не достигнуто, управлять Мессиной станут они. И только их знамена будут висеть на стенах. Филипп ничего не сможет возразить.

На утренней встрече Филипп согласился с предложением Ричарда, хотя и вел себя довольно надменно. Тем не менее короли пришли к соглашению и обменялись поцелуем мира. Воинствующие ордены были только рады взять город на свое попечение.

– Их привлекает любая возможность разжиться деньгами, – сказал мне Ричард. – Утремер выкачивает из них силы, постоянно и безжалостно. Тамошнее франкское население год от года сокращается, поэтому тамплиерам и госпитальерам приходится все больше заниматься обороной королевства.

– Их силы составляют значительную часть войска, сир, не так ли? – Король кивнул, и я продолжил: – Станет ли Гарнье Наблусский подчиняться вашим приказам на поле боя, сир?

Насчет де Сабля я был уверен, поскольку он стал великим магистром благодаря влиянию Ричарда и его щедрым пожертвованиям ордену. Гарнье Наблусский, однако, находился в совсем ином положении и не был сопливым юнцом, которого легко повести за собой.

Ричард улыбнулся:

– Думаю, станет.

– Это вы приказали, чтобы их штандарты развевались на стенах, сир, – сказал я с усмешкой. – Так что они окажутся у вас в долгу.

– Ты читаешь мои мысли, Руфус, – ответил он с хитринкой.

Я посмотрел украдкой на французского короля. Да, он принял условия, но я прозревал тлевшее в нем недовольство. Вряд ли новые предложения Ричарда порадовали бы его. Прежде всего самые уважаемые семьи Мессины должны были послать заложников – ручательство их хорошего поведения. Заложникам предстояло находиться в нашем лагере. Во-вторых, на господствующем над городом холме возводилась башня – наблюдательный пост для наших солдат. Ничто не могло свидетельствовать нагляднее о превосходстве Ричарда. Я убеждал себя, что полученные богатства удовлетворят Филиппа и он не станет придирается к таким мелочам, но беспокойство не проходило.

На словах он был нашим союзником, но вел себя, скорее, как враг.

На следующий день, шестого октября, поступил ответ Танкреда на требования Ричарда. Обрадованный король даже не попытался сообщить о содержании письма Филиппу, как и кому-либо из нас. Вместо этого он отправился в Баньяру, прихватив несколько человек и лошадей. Я был среди сопровождающих, так же как Рис и Филип.

Фиц-Алделем, к счастью, не попал в их число. Порез на его щеке загноился, и ему пришлось, по настоянию лекаря, остаться в постели. Как ни печально, недуг не был опасен для жизни. Его терьер по кличке Пти – Крошка – не отходил от кровати ни днем ни ночью, и я считал трогательной эту черту в собаке при всей ненависти к ее хозяину. Догадка Филипа оказалась верной: песик был славным, хотя беспрестанно тявкал при всяком удобном случае.

Пока мы топали по мостовой, проходя под аркой ворот и направляясь в монастырь Баньяры, предвкушение скорой встречи с Джоанной становилось все острее. Рис, Филип и прочие оруженосцы остались присматривать за конями, а де Шовиньи, де Бетюн и я последовали за Ричардом в аббатские покои – самые роскошные комнаты во всем дворце.

Кивнув в ответ на приветствие изумленных жандармов, стоявших у двери, король приказал им оставаться на месте.

– Хочу удивить сестру, – с усмешкой сказал он мне.

– Она будет рада, сир.

Я надеялся, что Джоанна обрадуется и мне тоже.

Мы прокрались незамеченными – скрип половиц скрывали негромкие звуки музыки, доносившейся из покоев. Двое слуг, ожидавших у входа, вытаращились на Ричарда и опустились на колени, а тот приложил палец к губам.

– Ждите здесь, – шепнул он нам.

Джоанна с придворными дамами находилась в дальнем конце комнаты. Некоторые женщины занимали оконные сиденья, другие расположились рядом с арфистом. Большинство их занимались рукоделием, две играли в шахматы. Не заметив приближения Ричарда, пока тот почти не коснулся ее, Джоанна вскочила с радостным криком. Позабытое шитье упало на устланный сеном пол.

– Ричард!

Ее руки обвили брата.

– Ах, как славно видеть тебя, малышка! – сказал он, заключая сестру в объятия.

– Ты не предупредил, что приедешь. – Джоанна отступила на шаг, на лице ее отразилась тревога. – Видно, привез дурные вести. Мы видели вчера дым: горела Мессина? Сколько людей погибло?

– Не беспокойся, – нежно промолвил Ричард. – У меня прекрасные новости.

Ее чело прояснилось.

– Ты приехал один? – Заметив нас, она укорила брата: – Неужто ты так низко ценишь своих рыцарей, что оставляешь их на пороге, словно незваных гостей?

Ричард махнул рукой, и мы направились через комнату, чтобы поприветствовать королеву. Она была настоящим дивом: златовласая, в нежно-голубом платье и мягких кожаных туфлях. Двое из нас преклонили колени.

– Поднимайтесь, поднимайтесь! – воскликнула Джоанна и тепло добавила: – Вы, должно быть, страдаете от жажды после путешествия.

Ричард недоуменно вскинул бровь:

– Да от Мессины тут рукой подать.

– Тем более непростительно, что ты приезжаешь так редко!

И она ткнула его под ребра весьма неподобающим для дамы жестом.

– Я был занят, малышка, – смутившись, ответил Ричард.

Нам редко доводилось видеть короля таким, и мы с де Бетюном обменялись удивленными взглядами. Игривый настрой Джоанны только усиливал ее привлекательность.

Принесли сладкое вино и пирожные. Мы налегли на угощение, а вот Ричард есть не стал, продолжая выкладывать вести. Джоанна перебила его:

– Сначала расскажи, что произошло в Мессине.

Она как замороженная слушала, пока брат рассказывал о взятии города. Свое участие Ричард, по обычаю, преуменьшал, зато не преминул упомянуть о том, как я избавил его от попадания арбалетной стрелы.

– Разве нужно было так рисковать? – спросила Джоанна.

Ричард пожал плечами, а она укоризненно поцокала языком. Ее голубые глаза, такие же яркие, как у него, обратились на меня.

– Похоже, мне следует поблагодарить тебя, сэра Руфус, за то, что у меня до сих пор есть брат.

Господи Иисусе, какой желанной она была! Кровь прилила к моим щекам.

– В скором времени после того король сделал то же самое для меня, мадам.

– Позже ты обязательно расскажешь мне об этом.

Ослепительная улыбка.

Сердце подпрыгнуло у меня в груди.

– Почту за честь, мадам.

Ричард закончил рассказ, с восторгом сообщив, что возвышающаяся над Мессиной башня получила название Матегрифон – «Убийца греков».

– Нельзя так называть ее, брат! – возразила Джоанна. – Не все люди на Сицилии мятежники, не все злодеи. В большинстве своем это добрый народ, Я прожила тут много лет, не забывай.

– Помню, малышка. Однако недовольные причинили много зла моим воинам. Нужно донести до них послание, а башня отлично подходит для этой цели. У меня нет желания и впредь убивать грифонов, разве что при нужде. Но если они снова взбунтуются, Богом клянусь, я захвачу весь остров.

Ричард еще некоторое время уверял, что мир восстановлен, и наконец Джоанна удовлетворилась этим.

– А теперь расскажи, что так взволновало тебя, – сказала она с улыбкой, от которой на щеках появились ямочки.

Ричард рассмеялся, я же, оторвавшись от созерцания королевы, снова встретился взглядом с де Бетюном. Было странно и забавно видеть короля, покорно подчиняющегося приказам.

– Я заключил мир с Танкредом, – сообщил Ричард.

– Если у маленькой собачки есть хоть немного мозгов, она не станет отбивать кость у собаки побольше.

Губы короля дрогнули.

– Это еще не все. Освободив тебя, Танкред не вернул твою вдовью долю.

– Он скуп.

– Не сомневаюсь. Но после событий в Мессине ему пришлось переосмыслить свое положение. Двадцать тысяч унций золота тебя устроят?

– Двадцать тысяч? – Джоанна всплеснула руками. – Ах, какой счастливый день! Ты славно потрудился, брат.

– Он заплатит условленную сумму в течение двух недель, но это еще не все, – продолжил Ричард, наслаждаясь. – Я вытряс из него еще двадцать тысяч.

– Речь, часом, не о наследстве, завещанном Вильгельмом нашему господину отцу?

– О нем самом. Я подумал, что мне сподручнее получить монеты вместо золотого стола и шелкового шатра на двести человек.

Озадаченный, я посмотрел на де Бетюна. Он тихонько пояснил: покойный супруг Джоанны Вильгельм давно собирался поднести Генриху, отцу Ричарда, щедрый дар, чтобы Генрих помог с освобождением Иерусалима.

– Танкред не утверждал, что завещание лишается силы, поскольку папа умер прежде Вильгельма? – спросила Джоанна.

– Утверждал.

– И все же ты заставил признать его.

– Ничего подобного. Просто сказал, что, если Танкред желает оставаться королем Сицилии, ему придется заплатить.

По губам Ричарда пробежала хищная улыбка.

Комнату заполнил звонкий женский смех.

– Ну, брат, это трудно назвать выбором.

– Я подсластил снадобье, предложив стать его союзником. Хочешь не хочешь, нам предстоит зимовать на Сицилии – едва ли Беренгария успеет приехать до Нового года. И если мы будем заодно с Танкредом, жить станет гораздо проще. Если бы я его оттолкнул, он бы протоптал дорожку Филиппу. Они и так вели тайные переговоры, если верить моим лазутчикам. Но теперь этому конец.

– Танкред дает тебе золото. А что получает взамен?

– Одна из его дочерей, когда войдет в возраст, выйдет замуж за моего наследника.

– Но Джон уже женат.

– Я не о нем.

– А о ком? – спросила она недоуменно.

– Ах, малышка! Я же совсем позабыл, как далеко занесло тебя от дома. Джону нельзя доверять.

– Мне он запомнился милым пухлощеким мальчиком, – промолвила Джоанна, нахмурившись.

Я попытался скрыть усмешку, а Ричард фыркнул:

– Может, так и было давным-давно, но с тех пор этот щенок сильно изменился. По этой причине и по многим другим мой наследник – не он, а Артур Бретонский.

– Сын нашего брата Джеффри? – Дождавшись кивка, Джоанна продолжила: – Ему ведь года два или три от роду?

– Три.

– Дитя. Джона твое решение явно не обрадовало, ведь он – взрослый мужчина.

– Он получил до моего отъезда щедрое возмещение. Я пожаловал ему четыре графства и еще много чего. Но хватит про Джона.

Она кивнула:

– Вполне понятно, что выиграет Танкред благодаря брачному союзу. Имея твою защиту, он может не бояться семейства Гогенштауфенов и их намерений захватить остров. А что этот союз принесет тебе?

– Помимо двадцати тысяч унций золота?

Джоанна скроила гримаску.

– Не забывай, что германского императора твои действия совсем не порадуют. Как ни крути, Констанция – законная наследница трона.

Как ни странно, сама Джоанна не имела прав на престол Сицилии.

– Меня мало заботит, что думает Барбаросса. Полагаю, что и ему до меня дела нет. Если между нами возникнут разногласия, мы разрешим их в Утремере.

Фридрих уже находился на пути в Святую землю.

– Тем не менее дочь Танкреда не чета твоему наследнику, Ричард.

– Такие брачные союзы нечасто доводятся до конца, а Артуру всего только три года. А вот я скоро женюсь. Даст Бог, не пройдет и года, как у меня появится собственный сын.

– Очень жду этого дня.

Вопреки сказанному, лицо Джоанны омрачилось. Ричард коснулся ее руки:

– Тебе, должно быть, хочется иметь детей.

Она кивнула:

– Мы с Вильгельмом жили счастливо. Как жаль, что у меня не осталось на память о нем сына или дочери.

– Воистину это жестоко. Но для тебя не все еще потеряно.

– Только не выдавай меня замуж прямо сейчас! – Впервые за ее внешней уверенностью проступила хрупкость. – Ричард, мы не виделись четырнадцать лет, и я не вынесу, если вскоре нам снова придется расстаться.

– Не переживай, малышка! – обнадежил ее король. – Беренгария поедет со мной. Но мне придется часто оставлять ее ради войны с сарацинами. Мне пришло в голову, что вы с ней могли бы неплохо проводить время. Если ты не против, конечно.

– О большем я и не прошу.

На глазах Джоанны выступили слезы счастья.

– Ну вот и договорились, – удовлетворенно произнес Ричард.

Государь не заметил моей радости, в отличие от де Бетюна.

– Поосторожнее, Руфус, – шепнул мне рыцарь на ухо. – Она ведь сестра нашего короля.

Я изумленно посмотрел на него:

– Неужели по мне все видно?

– Король не замечает, он занят Джоанной. Как бы он ни любил тебя, ему может не понравиться, что ты питаешь чувства к его сестре.

Я кивнул и попытался придать лицу настолько невозмутимое выражение, насколько смог. Увы, мое намерение не замечать Джоанну долго не продержалось. Вскоре Ричарда отвлекло срочное послание из Мессины. Извинившись перед сестрой, он уединился с де Бетюном в боковой комнате. Оставшись почти наедине с Джоанной – придворные дамы, вот незадача, держались поблизости, – я был охвачен радостным возбуждением, но совершенно не знал, о чем говорить.

Она облегчила мою ношу, попросив рассказать еще раз о штурме башни. Мы вышли в сад, взгляды дам упирались нам в спины. Одна предложила прогуляться с нами, но Джоанна отмахнулась. Я воспарил, почти напрочь позабыв о предупреждении де Бетюна. Галерея с колоннами тянулась вдоль всех четырех стен сада, украшенного цветочными грядками и фруктовыми деревьями. В середине его располагался колодец.

Для начала я упомянул о том, что Ричард заметил башню еще до того, как в ней появилась нужда.

– Он с детства был искусен в ведении боя, – сказала Джоанна.

Не желая показаться хвастуном, я пропустил те первые минуты, когда мы входили в башню. Улыбнувшись, она остановила меня и велела поведать все целиком, а не только часть. Слегка смущенный, я повиновался.

– Ты спас ему жизнь.

– Я бы так не сказал, мадам. Я помешал королю попасть под вылетевшую арбалетную стрелу.

– Не пытайся меня обмануть! С такого расстояния она вполне могла бы сразить Ричарда наповал.

Я признал ее правоту, и она укорила меня, но ласково, потом велела продолжать.

Рассказ о том, как король стоял надо мной, пока я вылезал из люка, рассмешил ее. Как и наше с де Бетюном приключение, когда мы вывалились в дерьме и моче – этих слов я, понятное дело, не стал употреблять.

– Вы настоящие братья по оружию, – сказала она, когда я закончил. – Ты, король и остальные рыцари двора.

– Так и есть, мадам, – с чувством подхватил я. Но про себя добавил: «Кроме Фиц-Алдельма и де Гюнесса».

– Как давно служишь ты моему брату?

– Одиннадцать лет, мадам.

– Долгий срок. Можно спросить, сколько тебе лет?

– Тридцать, мадам. В августе исполнилось. – Я помялся, потом отважился: – А вам?

– Двадцать четыре. – Она искоса посмотрела на меня. – Ты женат, сэр Руфус?

– Нет, госпожа. Пока еще не встретил подходящую даму.

– А как ты поймешь, что эта встреча произошла?

Взгляд ее был вызывающим, но при этом игривым.

Я с трудом выдержал его. Она была так близко, только руку протяни, и мы вели речь о любви и желании.

– По правде говоря, госпожа, я и сам не знаю.

– Нерешительность – верный путь к поражению, когда дело касается женщин, – со смехом промолвила Джоанна.

– Может быть, госпожа, но так безопаснее.

Я вообразил свое унижение, если я попробую взять ее за руку и получу отказ.

– На поле боя тебе приходится идти на риск, сэр Руфус.

– Разумеется, госпожа. – Я в замешательстве посмотрел на нее. – На войне иначе не бывает.

– В любви то же самое.

Мне показалось, будто щеки у нее слегка порозовели.

Нашу беседу прервал Ричард, разобравшийся со своим делом. Он громогласно обвинил меня в похищении сестры. То была шутка, конечно, но я обрадовался тому, что король не пригляделся ко мне пристальнее. Совет де Бетюна крутился в моей голове, но я отмахивался от него. Я мог думать только о Джоанне и о том, когда случится наша следующая встреча.

Глава 8

Мессина, декабрь 1190 года

Кольчуга звякнула на мне, когда я затопал ногами, стараясь разогнать кровь. Стояло раннее утро, и в вымощенном камнем коридоре дома де Муэка было зябко.

– Пальцы онемели? – шепнул с противоположной стороны входа в часовню де Бетюн. – Мои как каменные.

– Король, наверное, совсем ооченел, – отозвался я.

– Возможно. Зато он ближе к Богу.

Наши взгляды обратились на дверь. За ней, распростершись перед алтарем, нагой, как в день появления на свет, лежал Ричард. Он пришел недавно, чтобы понести епитимью за свои грехи. Мы стояли на страже, не пуская никого, кроме церковников.

Де Бетюн только что рассказал мне, как подобным же образом приносил раскаяние брат Ричарда, Молодой Король, много лет назад. Это был крайний способ испросить прощения, который казался мне не слишком подходящим для монарха. Но я напомнил себе, что нельзя было и представить, в какой разгул пустится король после взятия Мессины. Ричард всегда любил вино и, когда взгляд его западал на какую-нибудь из них, женщин. Однако в те дни дело обстояло хуже, чем когда-либо. Ночь за ночью он напивался до бесчувствия. Ему приглянулась одна красивая служанка, наполовину сарацинка, и он проводил с ней ночи напролет в своей опочивальне.

Но прошлым вечером все резко изменилось. Заявив, что хочет проветрить голову, король приказал мне сопровождать его во время верховой прогулки. Обрадованный хоть какому-то возвращению к прежней жизни и – кто знает? – возможности уговорить короля навестить Джоанну, с которой мы не виделись вот уже несколько недель, я велел Рису и Филипу седлать коней.

Когда мы выехали на улицу, сарацинку как раз выпроваживали из парадной двери. Лицо ее было залито слезами; заметив Ричарда, она окликнула его.

Помрачнев, он позволил ей подойти. Даже опечаленная, девушка была ослепительно хороша. Они обменялись парой слов, служанка протянула руку, которую он неловко погладил, потом сбивчиво попрощался и тронул коня. Пробежав несколько шагов вслед за ним, она остановилась. Слезы снова потекли по ее щекам.

– Едем, Руфус.

В голосе Ричарда звучали властные нотки.

Я повиновался. Мы скакали бок о бок, грифоны спешили убратся с нашего пути.

Король не произносил ни слова.

Отрешившись от воспоминаний, я бросил взгляд на де Бетюна.

– Как думаешь, почему он избавился от той полукровки-сарацинки? – спросил я. – Из-за того, что женится?

– Предполагаю, что так.

– Но ведь для королей естественно иметь наложниц, даже будучи женатыми.

– Ричард не из таких, Руфус. Помни о том, как он относится к жизни, правлению, политике и войне. Он посвящает себя делу целиком и всегда норовит стать первым, лучшим. – Понизив голос, де Бетюн добавил: – Перепахивать девку из прислуги – не тот поступок, который доброму христианину, а тем более королю, подобает совершать.

– Но нам, рыцарям его двора, на это наплевать, – с жаром прошептал я. – Готов побиться об заклад на сто серебряных пенни, что и его воинам, если они прознают, тоже будет все равно.

– И все-таки... Вчера Ричард заглянул в зеркало своей души, и отражение ему не понравилось.

Так и есть, подумал я, припомнив, как накануне король встретился с одной грифонкой. Высмотрев Ричарда, когда мы проезжали мимо главных городских ворот, женщина с плачем и стонами припала к его ногам, лепеча что-то на скверном французском. Государь не прогнал ее, а выслушал. Сообща мы выяснили, что ее единственный сын тяжело болен.

– Мы поехали навестить его, – рассказал я де Бетюну. – Бедолага лежал в ее доме: голова забинтована, глаза открыты, но ничего не видят. Скорее мертвец, чем парень, но еще живой. Появилась соседка, которая лучше говорит по-французски. Она объяснила, что мальчишка, ему всего тринадцать, оказался в толпе при нашем нападении на город и кто-то из солдат ударил его палицей по голове. Мать нашла его, полумертвого, и перенесла в дом. Там он с той поры и лежал, ничего не видя и не слыша, затерявшись между жизнью и смертью.

– Господь милосердный, – пробормотал де Бетюн, на лице которого проступил ужас. – И что король?

– Он был сокрушен. Просил у женщины прощения за то, что невинное дитя так тяжело пострадало, и обещал прислать своего лекаря, дабы тот сделал все возможное. Вернувшись, он дал лекарю кошелек с золотом для них, но все богатства христианского мира не способны исцелить парня. И король наверняка это понимает.

– Ну конечно понимает. Как и то, что этот парень – не единственный, кто безвинно пострадал во время сражения.

– Теперь я понимаю, почему он здесь.

Мне тоже следует быть там, подумал я, чувствуя, как мою душу раздирает черная вина. Ричард согрешил, прелюбодействуя вне брачного ложа, но не он отдавал солдату приказ проломить голову тому мальчишке. А вот я убил Генри ради собственной выгоды. Это отягчает мою вину.

С другого конца коридора донесся топот мягких туфель.

– Епископы идут, – прошипел де Бетюн.

Мы выпрямились и стали смотреть прямо перед собой, как подобает часовым.

Прибыли все: Вальтер Руанский, Жерар из Окса, Жан из Эвре и с полдюжины других. Высокопоставленные священнослужители пришли засвидетельствовать королевское раскаяние. С ними был несколько жеманный, но приятный клирик по имени Амбруаз. Он состоял писцом при Жераре и постоянно строчил что-нибудь на пергаменте.

Я широко открыл дверь, и они вошли. Прикрывая створку, я глянул на короля, расprostертого ниц перед алтарем. Мне стыдно было видеть его таким, и я отвел глаза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.